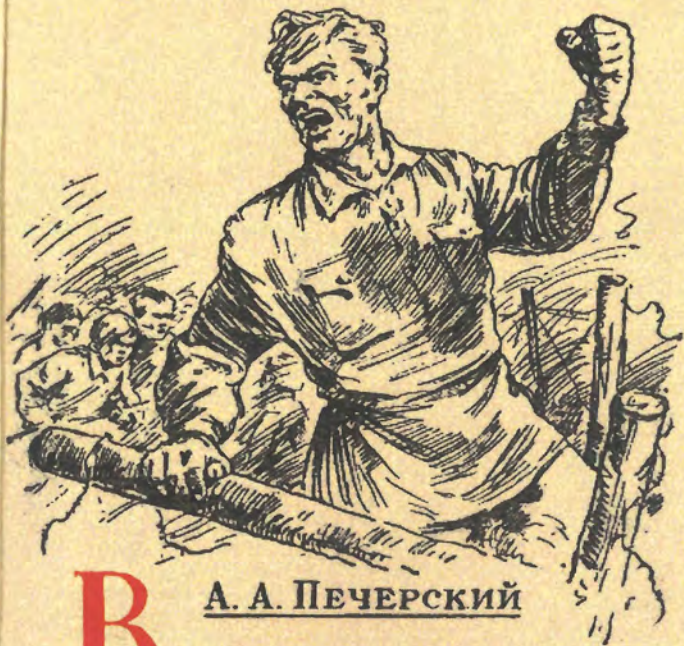

А. А. ПЕЧЕРСКИЙ

В ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Ростиздат — 1945

Мемориальный сборник – продолжение работы людей, долгие годы боровшихся за то, чтобы «награда нашла героев» и подвиг Александра Печерского и его товарищей не был забыт. Эти люди – С. Богданова, С. Виленский, М. Гринберг и А. Марутян.

Разумеется, трудно переоценить вклад в издание друзей А.А. Печерского – фронтовиков Лазаря Моисеевича Любарского и особенно – писателя-партизана Михаила Андреевича Лева, классика литературы на идиш, для которого борьба за увековечение подвига героев Собибора началась еще в партизанском отряде в далеком октябре 1943 г., в холодных белорусских лесах... И продолжается до сих пор.

От редакции

ВОССТАНИЕ

В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

мемориальное издание

Книга издана
при поддержке общественной организации

ПРЕОБРАЖЕНИЕ
resource1number1.com

Настоящее издание представляет собой расширенный вариант книги 1945-го года о восстании в лагере смерти Собибор, созданном гитлеровской Германией на территории Польши для уничтожения евреев. Автор книги – руководитель этого, единственного успешного в истории Второй Мировой войны, восстания – офицер Красной Армии Александр Аронович Печерский. Издание дополнено расшифровкой устных рассказов А.А.Печерского и снабжено краткими комментариями.

Мосты культуры / Гешарим

...всегда уважала и любила сильных героев — как в литературе, так и в жизни. В проявлении немыслимой воли, как в случае с Печерским, человек поднимается до тех высот, на которых личность человека приближается к идеалу, с которым, создавая всех нас, сверялся Всевышний.

Дина Рубина, писатель

Дорогой читатель!

Вы держите в руках переиздание ценного литературного памятника и интересного исторического документа. Впервые книга Александра Печерского «Восстание в Собибуровском* лагере» вышла в свет в 1945 году в Ростове-на-Дону, осталась почти незамеченной и давно стала библиографической редкостью.

Страшная история лагеря началась в марте 1942 года, когда по специальному приказу Гиммлера, руководителя СС и шефа гестапо, близ небольшого польского городка Собибор в Люблинском воеводстве был построен — в условиях строжайшей секретности — лагерь смерти, предназначенный для уничтожения

* В современном написании — Собиборовский.

евреев. Осенью 1943 года узники лагеря совершили невозможное: они подняли восстание, перебили часть эсэсовцев охраны и вырвались на волю. После восстания Гиммлер приказал уничтожить лагерь: здания были разрушены, земля перепажана и засеяна.

Восстание в Собиборе — одна из самых героических страниц истории Сопротивления в годы Второй мировой войны, единственный случай, когда восстание узников завершилось победой. Но в СССР и в современной России оно мало кому известно, хотя руководил восстанием обреченных на гибель евреев со всей Европы советский офицер, лейтенант Александр Аронович Печерский, а ядро восставших составили советские военнопленные.

Последующая судьба героя сложилась драматично. Штрафбат, тяжелое ранение, гонения в эпоху сталинского, государственного антисемитизма, жизнь в ростовской коммунальной квартире. Героизм Александра Печерского состоял не только в том, что он стал организатором восстания в Собиборе, но также и в том, что он — несмотря на все эти неурядицы — не сошел и в дальнейшем с пути командира, «отца солдатам». Всю свою жизнь он, будучи человеком исключительной личной скромности, занимался розыском и — рискуя собственным благополучием — поддержанием связи со своими товарищами по оружию, рассеянными по всему свету. До своей смерти в 1990 году Александр Аронович неустанно добивался

сохранения памяти о собиборовских павших и наказания военных преступников, служивших в лагере. Последним и наиболее известным из них был Иван Демьянюк, осужденный именно на основе показаний соратников Печерского.

Сколь ярким и беспримерным был подвиг А. Печерского, столь же глухим и безнадежным было забвение... Им покрыта память о Печерском даже на его малой родине — ни улицы, ни площади его имени в Ростове-на-Дону нет. Не удостоен он пока ни единой российской государственной награды...

По счастью, усилиями друзей Печерского и ныне здравствующих участников восстания удалось поднять общественную кампанию по восстановлению справедливости и выведению из забвения подвига героев. Кампания, поддержанная многими деятелями культуры и искусства в России, странах СНГ и Израиле, уже достигла первых успехов. Так, увековечение памяти А. Печерского обсуждалось уже и на межгосударственном уровне — во время встречи лидеров России и Израиля. Книга, которую вы держите в руках, — еще один важный кирпичик в здании нашей памяти о Великой войне и ее героях, вклад в борьбу с фальсификаторами нашей истории — как за рубежами нашей страны, так и внутри нее.

*Николай Сванидзе,
Член Общественной палаты РФ*

Первое сообщение о восстании в лагере смерти Собибор было опубликовано 6 августа 1944 года в «Красной звезде» – в очерке Василия Гроссмана «В городах и селах Польши» рассказывалось о массовом уничтожении евреев. До окончания войны еще две статьи о восстании вышли в «Комсомольской правде» (но о евреях в них уже не упоминалось), а в марте 1945 г. в Ростове-на-Дону небольшим тиражом вышла книга самого А. Печерского «Восстание в Собибуровском лагере». В тексте книги слово «еврей» также не встречается ни разу – используются эвфемизмы типа «коммунисты», «советские люди» и т.п.

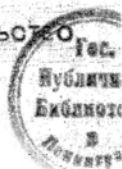
В том же 1945 году в журнале «Знамя» (№ 4) речь о евреях вновь шла, а опубликованный там очерк П. Антокольского и В. Каверина «Восстание в Собибуре» был потом даже включен в печально известную «Черную книгу» (до сих пор в России неопубликованную) – сборник документов о геноциде евреев на оккупированной немцами территории Советского Союза. Вопрос о том, как, когда, где и почему цензурировались упоминания о целенаправленном уничтожении гитлеровцами еврейского народа, еще ждет своего исследователя...

А. А. ПЕЧЕРСКИЙ

И24^{г.2}
П1

ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д. — 1945

ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ
РОСТОВСКОЕ ОБЛАСТНОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
Ростов н-Д., Морская, 35
РОСТОВ Н-Д.— 1945

Редактор М.Д. Распопина

Изд. № 27-7863. Подп. в печ. 14/III 1945 г. Объем 2 п. л. Тираж
5000 экз. ПК 00827 Тип им. Калинина РОУИиП в Ростове н-Д.
Заказ 649.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор этой брошюры А.А. Печерский описывает чудовищные злодеяния в одной из фашистских «фабрик смерти» — Собибуровском концлагере (в Польше), где погибли сотни тысяч детей, женщин, мужчин, привезенных из оккупированной немцами территории СССР и многих других европейских стран.

Очерк не претендует на художественную красочность. Но значительность даже немногих приводимых автором фактов гибели людей в этом лагере, кошмарно тяжелой жизни нескольких сот заключенных — не может не волновать читателя. Чудовищные злодеяния гитлеровцев заставляют еще сильнее ненавидеть чумную заразу фашизма, стремиться всеми силами к тому, чтобы добить фашистскую гадину.

В брошюре говорится о единственном в истории фашистских концлагерей массовом побеге заключенных — около 600 человек. Побег был организован и осуществлен советским человеком — офицером Красной Армии. Он тщательно, во всех деталях! продум-

мал план побега, провел большую организационную работу в течение очень короткого срока — три недели — и точно выполнил его. Несмотря на многие препятствия.

Гитлеровские людоеды всячески стремились скрыть следы своих кровавых преступлений в Собибуре. После массового побега, организованного тов. Печерским, фашисты уничтожили лагерь, разрушили постройки и устроили лесные насаждения на всей этой площади. Но подлым извергам не удалось скрыть правду. Близок день страшного суда над фашистской Германией, и на этом суде будут услышаны и показания живых людей, свидетелей кровавых ужасов, творимых гитлеровскими палачами.

Было раннее хмурое сентябрьское утро. Выстроившись во дворе Минского СС-арбейтслагеря, двухтысячная толпа женщин, детей, мужчин с напряженным вниманием прислушивалась к словам, небрежно бросаемым комендантом Ваксом. Охрипшим от попоек голосом он говорил:

— Через час вас отвезут на станцию. Вас ждет великая милость фюрера: вы отправляетесь на работу в Германию. Фюрер признал возможным даровать жизнь тем людям, которые имеют какую-нибудь специальность и будут работать добросовестно на благо великой Германии. Вы поедете со своими семьями. Можете взять с собой все вещи, какие у вас имеются... Итак, приготовьтесь к погрузке, — Вакс холодным, испытующим взглядом окинул толпу.

Оглянувшись вокруг, я увидел, что слова коменданта вызвали у одних недоумение и растерянность, а у других ужас. Они думали: «Нет меры нашему горю теперь. Но кто знает — не готовят ли нам еще худшую участь».

Многим приходила в голову и такая мысль: «Быть может, удастся в дороге бежать...» Но почти тотчас же вспоминали, чем кончился в феврале сорок третьего года неудачный побег пятидесяти заключенных из Минского лагеря. Всех их не просто убили, а долго пытали. Сначала беспощадно избивали плетями и натравляли на них собак, терзавших людей. Затем глумливо привели через весь город с поднятыми вверх руками, потом загнали их в баню и, раздев догола, обливали попеременно то горячей, то ледяной водой. И только после этого фашисты выбросили их во двор на снег и открыли по ним огонь из автоматов. Среди этих замученных людей были Аркадий Орлов из Киева, Борис Коган из Тулы и другие.

С изощренным зверством еще недавно здесь пытали одного из лагерников за то, что он якобы присвоил лишних двести граммов хлеба. Его

привязали к бочке, и двадцать фашистов, встав в два ряда, поочередно, ровно минуту каждый, били лопатами по пяткам лагерника. Когда лагерник терял сознание, его приводили в чувство, обливая ледяной водой, и вновь били.

...Четыре дня шел поезд из Минска в неведомую даль. Четверо суток томились мы, без хлеба и воды, в вагонах с забитыми окнами и закрытыми дверями. Было так тесно, что люди могли только стоять, плотно прижавшись друг к другу. О том, чтобы сесть, а тем более лечь — мы даже и не мечтали.

На пятые сутки поезд остановился на глухом, затерянном в лесах полустанке. На белом щите было написано крупными готическими буквами: Собибур. С левой стороны от полустанка тянулись три ряда высокого — в три метра — проволочного заграждения.

Поезд перевели на запасный путь. Давая задний ход, паровоз втянул наш состав во двор, тщательно загороженный колючей проволокой, и высокие ворота тотчас же захлопнулись.

Исстрадавшиеся, обессиленные люди, шатаясь, вышли на площадку. Из стоявшего вблизи

белого домика показалось несколько немецких офицеров. В руках у каждого была плеть.

Шедший впереди толстый, огромного роста немец — обершарфюрер Гомерский — пристально взглянул на нас, широко расставил ноги и, помахивая плетью, крикнул:

— Столяры и плотники — одиночки, идите сюда!

Вышла группа около 80 человек, преимущественно военнопленных, в том числе и я. Всем нам начальник лагеря Франц приказал пройти во второй огороженный двор. Затем нас направили в один из барачков. Пришлось размещаться на голых нарах — даже соломы на них не было.

Спустя около часа я вышел во двор лагеря. Многие товарищи из нашей группы завязали беседы со старыми лагерниками. Один из них — пожилой человек с одутловатым, землистым лицом — подошел ко мне и сказал:

— Давайте познакомимся. Мое имя — Борис.

Я пожал его руку и спросил:

— Скажите, какие здесь порядки?

— Порядки? — улыбнулся с горечью он. — Должно быть, такие же, как и в других лагерях.

В шесть утра гонят на работу. Рабочий день — шестнадцать часов. В двадцать два часа отбой. С охраной не разговаривать. К проволоке не подходить, иначе расстрел. Эти лагеря существуют свыше года. В лагере № 1 нас около пятисот человек, отовсюду — из Польши, Франции, Чехословакии, Голландии и других стран. А из России это только вас привезли впервые.

— А что это горит там? — показал я на багровое пламя, видневшееся в стороне от лагеря, на расстоянии не более полукилометра.

Борис осмотрелся по сторонам, взглянул пытливо на меня, потом ответил тихо:

— Не смотрите туда, запрещено. Это горят трупы ваших товарищей по эшелону.

— Как?! — воскликнул я, почувствовав, что леденящий холодок пополз у меня по спине. — И женщин, и детей?

— Да, всех, — дрогнувшим голосом ответил Борис. — Почти каждый день прибывают сюда по две тысячи человек из различных стран, и все они немедленно умерщвляются. На этом маленьком клочке земли, не более десяти гектаров, гитлеровцы убили свыше полумиллиона детей, женщин, мужчин...

Через некоторое время, когда я ближе познакомился с Борисом, он рассказал мне о фашистской «фабрике смерти». Борис работал на складе лагеря № 2, где сортировали и отправляли в Германию вещи, оставшиеся после убитых, и все подробности он узнал от стражников, сдававших эти вещи. Кровь стыла в моих жилах, когда я слушал рассказ Бориса, и до конца дней моих, до самой смерти останется в моей памяти ужасная картина гибели невинных людей.

Солнце близилось к закату, бросая прощальные мягкие лучи. Небо было безоблачно, воздух напоен ароматом близкого леса, оттуда доносилось веселое щебетанье птиц. Но люди шагали, погруженные в мрачные думы.

Они шли, выстроившись колонной, окруженные усиленной охраной, вдоль проволочного заграждения. Впереди женщины в одних сорочках и дети, позади — на расстоянии ста метров — голые мужчины. Вот наконец ворота, над ними надпись: Лагерь № 3. Во дворе — большие каменные здания двух бань с маленькими оконцами, защищенными толстой железной решеткой.

Женщины и дети вошли в одну баню, мужчины — в другую. Охрана осталась снаружи и тот-

час же заперла за вошедшими тяжелые, обитые железом двери.

Где-то вблизи послышался мерный рокот электромотора.

Некоторые в бане, взяв тазы, подошли к кранам за водой. Но дикий, нечеловеческий крик заставил их оглянуться назад и оцепенеть. Все смотрели вверх. С потолка, через широкие металлические трубы медленно ползли темные, густые клубы газа, нагнетаемые при помощи электромашины.

Все поняли, что обречены на мучительную смерть. Отчаянный плач, испуганные крики детей слились в один страшный вопль. Матери судорожно прижимали малышей к своей груди или, положив их на пол, укрывали своими телами. Погибая сами в мучениях, женщины инстинктивно стремились спасти детей или хотя бы на некоторое время отдалить их смерть. Многие метались, словно подстреленные птицы, ища уголка, где можно было бы спастись. Но газ полз неумолимо все ниже и ниже. Ужасны были страдания людей, погибавших от медленного удушья.

Не прошло и пятнадцати минут, как все было кончено. В двух банях на полу остались груды

почерневших трупов. Тогда с тяжелым гулом заработали мощные вентиляторы, очищая воздух в банях. Спустя немного времени надсмотрщик заглянул в помещение бани через толстое стеклянное окошечко в потолке. Убедившись, что воздух очистился, он дал сигнал — и тотчас же при помощи особого механизма раздвинулся пол, и трупы свалились вниз, в подвал. А там уже ждали вагонетки... Вскоре они, тяжело нагруженные, выкатились на лагерную площадку. Стражники сложили трупы в штабели, как дрова, облили горючей жидкостью и зажгли.

Пламя лизало почерневшие трупы, взметываясь яростно вверх, точно и оно стремилось вырваться на широкие просторы из «лагеря смерти», с тем, чтобы поведать всему миру ужасную правду.

Заканчивая рассказ, Борис сжал кулаки и гневно произнес:

— Какие изверги! И как хладнокровно, обдуманно делают они это... Они используют все оставшееся после своих жертв. Подлые, мелочные скряги-изуверы, перед тем как убить, они заставляют женщин и детей стричь волосы, по-

том эти волосы собирают в мешки, отправляют в Германию и там набивают ими подушки для сидел. Неужто эти людоеды останутся безнаказанными?! Где бог, почему он не поразит их молнией и громом?!

Голос Бориса дрогнул, из глаз его по глубоким морщинам щек текли слезы.

В эту ночь, лежа на нарах, я долго не мог уснуть. Перед моими глазами стояли товарищи по эшелону, я видел своих соседей по вагону — трехлетнюю синеглазую Нелю, ее мать — худенькую двадцатилетнюю женщину с почти совсем поседевшими волосами. Мне чудился Нелин голосок, тихонько, но задорно поющий:

Синенький грязный платочек
Немец мне дал постирать.
Хвост от селедки, хлеба кусочек
И котелок облизать.

Как стойко держалась Нелина мама! Как много требовалось ей сил, чтобы скрыть от ребенка свое немое, безысходное горе! В лихорадочном жару, надрываясь от кашля, она старалась улы-

баться, чтобы не опечалить свою девочку, отдавала ей последнюю корку хлеба. Слабая, изнемогающая, она почти всю дорогу держала Нелю на своих руках.

Неля... Значит, и ее, и ростовчан из этого же эшелона — Льва Сраговича, Бориса Эстрина и тысячи других детей, женщин, стариков? Разве можно найти слова, чтобы достойно заклеить злодеев?... Мстить, мстить им беспощадно! И за эти погибшие жизни, и за все другие. Да, но чтоб отомстить, надо бежать из лагеря, бежать как можно скорее.

Я заснул поздно ночью тяжелым, как свинец, полным кошмаров сном. Во сне я дико кричал. Меня встряхнул за плечи Шлейма.

— Саша, Саша, что ты кричишь? Ты всех разбудишь. Охрана услышит!

Я присел на нарах. В голове сильно шумело, холодные капли увлажнили лоб. Придя в себя, я взял крепко за руку друга и сказал:

— Шлейма! Ах, какие ужасы мне снились!.. И самое страшное то, что ведь не во сне, а вправду все это было.

Шлейма сочувственно кивал головой:

— Да, понимаю, понимаю. Все же успокойся, попытайся немного отдохнуть, скоро уже на работу отправляться. Ведь немцы оставили нам жизнь, — хотя, видимо, ненадолго, — лишь потому, что им нужна рабочая сила. Нашими руками немцы спешно будут строить «Норд-лагерь».

То решение, к которому я пришел уже давно в прежнем лагере вместе со своим другом Шлеймой Ляйтманом и некоторыми другими, теперь окончательно у меня окрепло, заполонило все мои мысли и чувства. Восемь месяцев томился я перед этим в Минском лагере, и за это время у меня наладилась крепкая товарищеская связь со многими из тех, кто сейчас был вместе со мной в Собибуре. Но надо было прислушаться, посмотретья к людям и обстановке в этом лагере, чтобы организовать массовый побег.

В первые дни лагерной жизни украдкой я делал очень короткие записи в которых намеренно неразборчивым почерком отмечал главнейшие факты из пережитого. Только потом, через год, я «расшифровал» свои записи и значительно их дополнил. Вот они...

24 сентября. Вчера прибыли в лагерь. Сегодня в пять часов был подъем. Все получили «завтрак»: по кружке кипятку без хлеба. В пять часов тридцать минут построились в колонны. Пришел обершарфюрер Франц. Сладкая улыбка не сходит с его толстой рожи. Три раза в день — утром, днем и вечером — он сам пересчитывает заключенных, не сбежал ли кто? Фашисты страшатся побегов из лагерей: все, что здесь творится, особенно в лагере № 3, должно навсегда остаться тайной.

Вчера вечером я разговаривал со старыми лагерниками. Выяснил, что мы находимся в лагере № 1. Недалеко от нас лагерь № 3 — «фабрика смерти», по выражению заключенных. Вблизи расположен лагерь № 2 со складами вещей, остающихся после умерщвленных. Несколько дальше — строящийся лагерь № 4 — «Норд-лагерь».

В шесть часов утра двести заключенных, в том числе и я, отправились на работу. Впереди поставили нас — советских людей, прибывших с последним эшеленом, а за нами всех остальных, привезенных из разных стран. Перед выступлением нашей колонны Франц распорядился:

— Пусть русские поют свои песни!
— Мы не знаем, какие можно петь, — сказал я.
«Капо» Шмидт (переводчик-полицейский из числа заключенных) перевел эти слова:
— Пойте, какие хотите, — разрешил Франц.
— Саша, что запевать? — спросил меня недоумевающе Цыбульский, круглолицый, высокий парень из Донбасса.
— «Если завтра война...»
— Что ты? Изобьют...
— Запевай, тебе говорю! Ответим, что других не знаем.

Цыбульский затянул:

Если завтра война,
Если завтра в поход,
Если грозная сила нагрянет...

Все подхватили припев, и грянула песня советской страны:

Как один человек,
Весь советский народ
За свободную родину встанет...

Песня влиwała бодрость, звала к борьбе.

В этот день мы работали в «Норд-лагере». Все обошлось сравнительно благополучно, если не считать, что пятнадцать человек получили «за нерадивость» по двадцать пять плетей каждый. Плетями немцы били не просто, а с садизмом. Тот, кого били, должен был сам считать число ударов. А если он ошибался, его били до тех пор, пока он не начинал опять счета, и после этого давали еще 25 плетей.

25 сентября. В этот день в лагере у нас было срочное задание — перебросить уголь с одного места на другое. Поэтому на обед было дано только двадцать минут.

Франц все время стоял около лагерника-повара и изредка стегал его плетью, чтобы тот поскорее разливал пойло, называемое «супом».

Прошло около пятнадцати минут после начала выдачи «обеда». Увидев, что еще около трехсот человек не получили супа, Франц приказал повару выйти из барака во двор, сесть на землю, сидеть ровно, поджав под себя ноги, а руки держать опущенными. Затем Франц, на-

свистывая какой-то марш, стал ритмически наносить удары плеткой по голове и плечам повара. Ноги и руки его судорожно дергались, кровь залила лицо, он глухо стонал, не смея крикнуть.

Мы смотрели издали на это дикое избиение и не могли вмешаться. Сколько времени оно продолжалось, сказать не могу. Для нас оно показалось вечностью.

Многие, получившие в этот день суп, несмотря на голод, не могли его есть: казалось, он пропитан кровью.

26 сентября. День обычный. Утром нам раздали по кружке кипятку, в двенадцать часов — по кружке воды с затхлой крупой, а вечером — кусочек хлеба. Двадцать пять человек, вдобавок к этой порции, получили по двадцать пять плетей каждый за разные «провинности».

Каким-то чудом я избежал избиения. Случилось это так. Сорок человек нас работало на колке дров. Изголодавшиеся, утомленные люди с трудом поднимали тяжелые колуны и опускали их на громадные пни, лежавшие на земле. Франц

ходил между нами и с размаху хлестал толстой плетью, приговаривая:

— Шнель, шнель!

Он неслышно подошел и остановился за спиной высокого, в очках, худого, как щепка, голландца. Полуослепшими глазами тот не различал стоявшего перед ним пня. Слабыми руками поднимал он колун и опускал, как попало, на пень.

Франц взмахнул плетью. Голландец застонал от боли, но не смел оторваться от работы и продолжал раз за разом бить, как попало, колуном по пню. И в такт этим ударам Франц, улыбаясь, бил его плетью по голове, с которой свалилась шапка.

Я стоял совсем близко, метрах в пяти, от голландца и не в силах был оторвать глаз от этой жуткой сцены, хотя и знал, что за малейший перерыв в работе меня постигнет такая же участь.

Проклятый немчура заметил, что я перестал колоть свой пень. Он подозвал меня:

— Ком!

Затем, вспомнив, видимо, русское слово, добавил:

— Иди, иди!

«Попался! — подумал я. — Теперь и меня избьет, как голландца. Ну, что поделаешь... Главное, надо показать этому мерзавцу, что я не боюсь его».

И я твердо выдержал испытующий, насмешливый взгляд Франца.

Он грубо оттолкнул голландца и сказал на ломаном русском языке:

— Русски зольдат, тебе не есть по нраву, как я наказаль этот дурак? Даю тебе ровно пять минутен. Расколотишь за это время пень, получишь пачка сигарет. Опоздаешь секунду, всыплю двадцать пять плетей.

Он снова улыбнулся, отошел на несколько шагов от меня и вытянул вперед кисть руки с часами в золотом браслете.

Подавив в себе жгучее желание вцепиться в горло этого борова, я внимательно окинул взором пень и, пока Франц «засекал» время, рассчитал, как удобнее всего расколоть.

Франц скомандовал:

— Начинай!

Я стал колоть. Все было, как в тумане, я уже ни о чем не мог думать, этот огромный пень за-

слонил собой весь мир... Но вот последним ударом я доколол его и тогда только почувствовал, что я не в силах хотя бы еще раз взмахнуть колуном. Несмотря на холодный дождь, все мое тело было облито потом. Поясница и руки мучительно ныли. Сердце сильно билось.

Подняв с трудом голову, я увидел, что Франц протягивает мне пачку сигарет.

— Четыре с половиной минутен, — сказал он. — Раз обещаешь — значит, так. Получай.

Я не мог себя принудить взять сигареты. Благоразумие подсказывало мне: «Возьми. Не возбуждай против себя начальника лагеря. Это поведет к установлению слежки за тобой, может помешать твоему делу». Но я не мог, физически не мог принять что-либо от этого негодяя, только что избившего несчастного голландца.

— Спасибо, я не курю, — ответил я и пошел к своему месту, чтоб взяться за работу.

Франц молча зашагал по двору. Минут через двадцать он вернулся. В руках у него были полбулки и кусок маргарина. Он обратился ко мне, растянув в улыбке пухлые губы, в то время как выпуклые, ястребиные глаза его были холодны, как лед:

— Русски зольдат, возьми.

За всю мою жизнь я не переживал такого тяжкого искушения. Я видел, как товарищи по работе искоса завистливо смотрят на меня. Я вдыхал, как аромат дорогих духов, запах хлеба. Меня прельщал янтарный маргарин... Как мне хотелось тогда есть!.. Но опять какое-то властное чувство заставило меня отказаться:

— Благодарю вас, то питание, которое я получаю здесь, меня вполне удовлетворяет.

Скрытая ирония моего ответа не ускользнула, конечно, от Франца. С его лица на миг исчезла обычная улыбка. Угрожающе и вместе с тем озадаченно он переспросил:

— Не хочешь?

— Спасибо, я сыт.

Я видел, как рука Франца судорожно сжала плеть, но он сдержался, круто повернулся и пошел со двора.

Едва он скрылся с глаз, ко мне подбежали ребята. Посыпались замечания:

— Почему ты не взял?

— Ведь он мог не только избить, но и убить тебя.

— И сам бы поел, и с нами поделился бы, хоть по маленькому кусочку.

А некоторые сказали:

— Ты поступил, как нужно.

Я смотрел на них утомленно. Мне хотелось крикнуть им, чтоб они выше держали голову, давали посильный отпор врагу. Но мне казалось, что они поняли меня. Впрочем, и говорить мне не пришлось бы, — к нам быстро шел «капо» Шмидт. Ребята поспешили к своим местам.

27 сентября. С утра мы работали во дворе «Норд-лагеря».

Один из моих товарищей по эшелону, молодой парень из Баку, называвший себя Калимали (настоящая его фамилия была Шубаев), шепнул мне:

— Ты заметил, что почти все начальство ушло из лагеря?

— Да. Но почему?

— Прибыл новый эшелон, и людей уже направили на смерть. Должно быть, сейчас начали...

У меня точно сердце оборвалось — и в тот же миг я услышал полные мучительной тоски и

ужаса вопли детей и женщин, которые сейчас же заглушились неистовым гоготом гусей.

Шубаев крикнул мне на ухо:

— Ишь, подлюги, что придумали. Мне рассказывали старые лагерники: давно уже, по приказу Франца, держат триста гусей для того, чтобы заглушать их криком вопли умирающих людей. Ну, и мерзавцы!

Я чувствовал, что кровь закипела в моих жилах. Если б сейчас появился здесь какой-нибудь немец, я убил бы его вот этой лопатой, которую держал в руках.

Ко мне подошли бледные, взволнованные Цыбульский и Шлейма. Цыбульский сказал:

— Саша, нельзя дальше терпеть, надо действовать, уничтожить охрану — и в лес, благо немцев сейчас в лагере мало, а лес — всего лишь в двухстах метрах от нас.

Я ответил:

— А часовые на вышках, а колючие изгороди, а заминированные поля? Конечно, бежать одному или нескольким легче, чем всем. Но надо так сделать, чтобы ни один из нас не остался здесь. Пусть часть людей не уцелеет

при побеге, но те, кто спасется от этих людоедов, будут мстить им.

— Но медлить нельзя, — настаивал Цыбульский — Ведь уже осень, а когда лес оголится и выпадет снег, в чаще трудно будет скрываться.

Я помолчал немного и сказал:

— Если верите мне, терпеливо ждите, не говорите никому ни слова. Придет время, я скажу, что нужно делать.

28 сентября. В обед ко мне пришел Борис и сказал:

— Мне хочется поговорить с вами откровенно. Но здесь, понятно, это не удастся. Приходите после работы в женский барак. Только украдкой, осторожно, чтобы не увидели немецкие офицеры.

Вечером я и Шлейма отправились в барак, где было размещено сто пятьдесят женщин.

Тут же было и несколько пришедших мужчин. Один из них отозвал меня в сторону и шепнул:

— Борис просил передать вам, что его задержали на работе в лагере № 2 и он не сможет придти сегодня.

Женщины стали наперебой спрашивать меня, что делается в Советском Союзе, как там живут

и борются против фашистов. Мои ответы, переводимые Шлеймой, выслушивались с большим вниманием.

Много расспрашивали меня и о партизанах. Я говорил, что знал. Рассказывал, что немцы очень напуганы партизанским движением, особенно в Белоруссии, и что, например, в Минске немцы боятся показываться за городом в одиночных машинах — выезжают не меньше как по десяти машин, с установленными на них пулеметами.

Одна из женщин робко спросила:

— Вот вы говорите, что партизан очень много, что даже под самым Минском они нападают на немцев. Но почему же они не освободят нас?

— У партизан хватает своих дел. За нас действовать никто не будет.

Сказав это, я вышел из барака. Шлейма потом заявил мне, что хотя он и не перевел этой моей фразы, но ее поняли все, кто был в бараке.

Шлейма добавил:

— Ты, Саша, будь осторожней. А то нас учишь молчать, а сам откровенничаешь. Побаиваюсь я. Когда ты ушел, я увидел в углу барака Бжецкого. Он — тоже заключенный в лагере, но работает здесь «капо» — переводчиком-надзирателем.

29 сентября. Всех нас повели к железнодорожному полотну. Там стояли платформы с кирпичами. Нам дали задание разгрузить их. Но и здесь немцы решили поиздеваться над нами. Каждый должен был подбегать к платформе, схватывать шесть кирпичей, быстро относить их за двести метров и аккуратно складывать. Произошла суматоха, толкотня, так как на каждую платформу приходилось по восьмидесяти разгружавших. А если кто не успевал брать на бегу кирпичи, немцы били плетьюми.

Когда стемнело, пришел ко мне Борис.

Мы сели во дворе на доски. Сначала он повел обыденные разговоры. Потом предупредил меня, что «капо» Бжецкий стал за мной следить, услышав мои слова о том, что «партизаны за нас действовать не будут».

— А зачем за мной следить? — заметил я спокойно. — Ведь я не собираюсь делать ничего преступного. А вчера в бараке я только отвечал на вопросы женщин.

Борис помолчал немного, потом внезапно сказал:

— Бежать отсюда очень трудно, почти что невозможно. Каждый лагерь огорожен колючей

провоолокой высотой в три метра, затем идет заминированное поле шириною в пятнадцать метров, а за ним еще один ряд колючей проволоки. Не забудьте и о глубоком рве. Охрана — примерно сто двадцать — сто тридцать человек, в том числе четырнадцать немецких офицеров. А если даже кому удастся бежать, то остальным — смерть.

Я поднялся.

— О чем говорить? Ведь я же не замышляю побега.

— Обождите! — удержал меня Борис. — Давайте поговорим откровенно. Нас много таких, кто постоянно мечтает о побеге, но мы не знаем как это сделать. Нам, словно воздух, нужен человек, который вывел бы нас отсюда. Мы выполним все, что он скажет.

Придвинувшись еще ближе ко мне, он добавил тихо:

— Я пришел к вам по важному делу. Мне группа товарищей поручила просить вас, чтобы вы организовали побег. Люди верят вам чуть ли не с первого дня вашего пребывания в лагере: о вас много рассказывают прибывшие с вами советские люди, ваши разговоры в женском бараке

и ваше поведение с Францем при колке дров также хорошо известны всем.

Я пристально взглянул на Бориса: не предатель ли он? Но взор его был открытый, прямодушный. Я вспомнил его волнение, с которым он рассказывал о гибели людей на «фабрике смерти». Да и выбора у меня не было — приходилось идти на риск.

— Как заминированы поля? В шахматном порядке? — спросил я.

— Да. Я знаю это точно, потому что наши лагерники откапывали ямки для мин.

— А какое расстояние между минами?

— Полтора метра. Их соединяет натянутая проволока.

— Мне надо будет держать с вами связь. Как это сделать, чтобы не возбуждать подозрений? Не устроить ли так: вы познакомите меня с какой-нибудь девушкой, не знающей русского языка, и я стану бывать у нее в женском бараке под предлогом ухаживания. Вы будете приходить туда как бы моим переводчиком. С вами я буду говорить по-русски обо всем, что нужно. Согласны?

— Да. Но с кем же познакомить вас?

— Я вчера заметил там девушку с каштановыми волосами. Она курит. Подруги называли ее каким-то именем, похожим на Люка.

— А, знаю, знаю. Она из Голландии ... по-русски не понимает ни слова. Значит, мы смело можем разговаривать при ней.

Не откладывая этого дела, я, Шлейма и Борис отправились в женский барак.

Как ни уставали люди от непосильного труда, от голодной каторжной жизни, но они стремились видаться друг с другом, украдкой от немецких офицеров. Когда поздним вечером мы вошли в женский барак, там было несколько мужчин-лагерников.

— Люка, иди сюда, — позвал Борис худощавую, стройную девушку. — Вот эти русские просят познакомиться с тобой.

Девушка внимательно взглянула на меня, потом на изможденное, с впалыми глазами лицо Шлеймы. Она крепко пожала нам руки.

Ее нельзя было назвать красивой, но она была очень привлекательна. Особенно хороши были ее темные глаза, мягкие, полные грусти, затаенного страдания.

Я был в затруднении, с чего начать разговор с ней, и сказал, улыбаясь, Шлейме:

— Приличие требует сказать хоть словечко. Но она все равно не поймет меня, а я — ее.

— Что он сказал? — с любопытством спросила Люка по-немецки.

— Он сказал, что впервые встречает такую интересную девушку, — пошутил Шлейма.

— Он не мог этого сказать. Я не из таких, кого называют красивыми.

— Вы неправы, — сказал я с трудом на немецком языке. — Интересные девушки намного привлекательнее, чем красивые.

Я поговорил с Люкой еще немного, затем мы расстались.

5 октября. Прошло несколько однообразных, томительных дней. За это время прибыло еще два эшелона «смертников», — и опять оглушительно гоготали гуси. Теперь я каждый день беседовал по вечерам с Люкой. Мы подружились. Меня привлекали в ней ум и сердечная доброта. Чувствовалось, что, несмотря на свою молодость, она многое пережила, перестрадала.

6 октября. Я и Люка разговаривали сидя вдвоем во дворе лагеря на разбросанных досках. Я спросил:

— Люка, зачем ты так много куришь? Ты ведь совсем молодая. Нехорошо.

— Я не могу бросить, не могу. Меня это немного отвлекает... Ты знаешь, Саша, я работаю на кроличьем дворе, кормлю милых зверушек. Этот двор отгорожен от дороги забором с большими щелями. Мимо меня часто ведут в третий лагерь женщин, детей и мужчин. Я с ужасом смотрю на их изможденные лица. Несчастные, знают ли они, что их ведут на смерть в страшных муках? Сердце разрывается у меня от жалости к ним. Но как помочь?.. Я так боюсь третьего лагеря... Теперь тебе понятно, почему я курю?

— Да, — ответил я.

— И не только это волнует меня: вот, например, сегодня пришел унтерштурмфюрер Эрнст Берг и ударил меня по лицу, а за что — не знаю. Он думал, что я заплачу, убегу от него. Но я стояла, подняв голову, — вот так — и смело глядела на него. Тогда он разозлился, еще сильнее хлестнул меня по лицу и крикнул: «век!» Я медленно отошла.

— Молодец! Это хорошо, что ты сдержалась, не заплакала... Расскажи мне о себе. Откуда ты? Ты знаешь немецкий язык, но ведь ты как будто голландка?

— Я скажу тебе по секрету: мой отец — коммунист, жили мы в Гамбурге. Когда гитлеровцы захватили власть, отец вел борьбу с ними, потом ему пришлось скрыться. Мою мать арестовали, избили. Меня тоже, хотя мне было тогда лишь восемь лет. Затем мы бежали в Голландию. Там у нас был радиоприемник, к нам приходили люди, слушали Москву. Когда немцы вторглись в Голландию, отец снова бежал, а меня, двух братьев и мать привезли сюда. — Люка помолчала немного и дрогнувшим голосом добавила: — Братьев убили.

7 октября. Вечером, после работы, я разговаривал с Борисом.

— У меня два плана, — сказал я. — Изложу вам пока только первый вариант. Второй план еще мною недостаточно продуман», нужны дополнительные сведения. Скажите, кроме общей охраны лагеря, ставят ли где дополнительную?

— Днем — нет. А на ночь выставляют два пулемета и охрану около офицерского домика и еще за проволочным заграждением ходят патрули.

— Есть ли у вас в сапожных, слесарных, портняжных мастерских во втором лагере люди, на которых можно положиться?

— Есть, есть. Вы только скажите, кому что делать.

— Хорошо. Мой первый вариант такой: столярная мастерская всего в пяти метрах от проволочного заграждения. Дальше идут четыре метра с тремя рядами проволоки и пятнадцать метров заминированного поля, еще четыре метра за ним. Надо прибавить и семь метров — расстояние от стены до печки внутри столярной. Стало быть, надо делать подкоп длиной тридцать пять метров. Копать на глубине восемьдесят сантиметров: ниже нельзя — встретим воду, а выше тоже не придется — попадутся мины.

— А при чем тут печь в мастерской?

— При том, что копать нужно именно от нее: там пол обит железом, и если даже немцы заподозрят и начнут стучать по полу, то не будет слышно звука пустоты.

— Куда же девать землю?

— Землю прятать под пол мастерской. Часть ее можно ссыпать на чердак. Всего придется вынуть около двадцати кубометров. Копать ночью. Выделить знающего человека, чтобы подкоп не уклонился от намеченной линии. На всю эту работу потребуется дней двенадцать-пятнадцать.

— План как будто дельный, — заметил Борис. — А в чем же вы видите его недостатки?

— Плохо то, что потребуется очень много времени, чтобы через подкоп длиной тридцать пять метров проползли, один за другим, шестьсот человек. Да и не только проползли, но чтобы и дальше пробрались незаметно. Очень боюсь, что не успеем мы сделать это за шесть часов — с одиннадцати ночи до пяти утра. А самое главное: если принять этот план, мы не достигнем одной из главных наших целей — не уничтожим немцев. Но все же посоветуйтесь с вашими людьми.

— Хорошо.

— Вот еще что: изготовьте в кузнице штук семьдесят ножей. Я раздам их ребятам. В случае, если наш заговор будет обнаружен, живыми врагу не дадимся. Кроме того, устройте меня и

Шлейму в столярную мастерскую. Оттуда нам легче будет руководить подготовкой к побегу.

— Думаю, что мне удастся все это... Пока до свиданья. Пора возвращаться в барак.

8 октября. Прибыл еще один эшелон — и так же хладнокровно, методически немцы истребили всех прибывших.

Утром, когда мы строились в колонну, старший рабочий столярной мастерской Янек пришел за мной, Шлеймой и еще одним из нашей группы для выполнения якобы спешного заказа.

9 октября. Во время моего разговора с Люкой ко мне внезапно подошел один из лагерников по имени Григорий и сообщил, что в эту ночь собираются бежать пятнадцать человек. План их был такой: перерезать колючую проволоку вблизи уборной, проползти дальше и убить часового. Но они не учли грозного препятствия — заминированных полей. Они и не подумали о том, что за их побег жестоко поплатятся все оставшиеся. С большим трудом мне удалось убедить не делать побега. В заключение я сказал:

— Ждите.

При этом разговоре мы оба сильно горячились. Когда Григорий ушел, Люка спросила меня:

— Саша, ты о чем говорил с ним?

— Так, о пустяках разных.

— Неправда. Ты скрываешь от меня. Я знаю, о чем вы говорили. Знаю, о чем ты каждый день беседуешь с Борисом и другими. Так и к моему отцу приходили товарищи, как будто для того, чтобы чай пить, а сами готовили большие дела.

Я всячески пытался уверить Люку, что она ошиблась, но девушка, упрямо качая головой, говорила:

— Нет, нет, ты меня не обманешь, я все понимаю...

Слезы показались на ее глазах. Она схватила меня за руку и спросила:

— Саша, зачем ты это делаешь? Ведь отсюда нет возврата. А если вы и убежите, всех нас тогда — в третий лагерь. Я его так боюсь! Как ни ужасна эта жизнь, я все же не хочу умирать, да еще в таких муках.

— Люка, зачем ты так нервничаешь и приписываешь мне замыслы, которых у меня нет? Да-

вай лучше поговорим о другом. Я расскажу тебе о своей семье, о своем детстве...

Уходя, я сказал ей:

— Люка, смотри, никому ни слова о твоих предположениях...

Прерывающимся голосом она ответила;

— Когда я была маленькой, меня избивали в гестапо, спрашивали, где отец, но я и тогда умела молчать... А теперь... ты... Эх, ты, Саша! — и, заплавав, она побежала в свой барак.

10 октября. В этот день многие были избиты плетями. Произошло это так. Утром, как обычно, мы отправлялись на работу, колонной выстроившись по три в ряд. Возле ворот стоял незнакомый мне немецкий офицер с забинтованной левой рукой. Мне сказали, что это Грейшут, начальник охраны. Он ездил в отпуск, по дороге в Германию попал под бомбежку и был ранен.

Как всегда, Франц распорядился, чтобы мы пели песни. Мы двинулись под звуки авиамарша: «Все выше, и выше, и выше стремим мы полет наших птиц...» Эту песню мы нарочито выбрали, зная, что она будет не по душе Грейшуту, «пострадавшему» при бомбежке.

Услышав авиамарш, Грейшут, с перекошенным от злобы лицом, ворвался в наши ряды и стал избивать плетью кого попало.

Франц расхохотался. Потом подошел к Грейшуту, обменялся с ним несколькими словами, пытаясь, видимо, его успокоить, и приказал нам снова построиться в колонну и идти.

11 октября. Вечером, когда я был в кузнице, туда пришел «капо» Бжецкий. Был он долговязый, худой, правый глаз у него всегда прищуренный. У немцев он был как будто на хорошем счету. Но все же никто в лагере не слышал, чтобы он выдавал кого-нибудь, доносил начальству лагеря.

Когда мы остались наедине, Бжецкий сказал мне:

— Мне хотелось бы поговорить с вами по душам. Вы, конечно, догадываетесь о чем? Должен признать, вы ведете себя очень осторожно. Но я знаю, что достаточно вам бросить небрежно два-три слова, чтоб взволновать всех. Ведь все знают не только то, что вы из СССР, но и то, что вы пользуетесь большим влиянием среди при-

бывших вместе с вами. Вот, к примеру, несколько дней назад вы сказали в женском бараке: «партизаны за нас действовать не будут» — и эти слова тотчас же разнеслись по всему лагерю.

— Вы сильно преувеличиваете.

— Нисколько. А кроме того, я знаю, что вы ведете агитацию через вашего друга Шлейму. Он очень скрытно, но искусно агитирует, много рассказывает о жизни в Советском Союзе, а откуда ему знать подробно эту жизнь, как не от вас? Люди из СССР вообще пользуются большим влиянием в лагере, а вы и Шлейма — особым.

Бжецкий закурил и, затянувшись, сказал решительно:

— Будем откровенны. Вам надо опереться на нас, «капо», особенно на меня. Для вас это важно уже потому, что в рабочее время мы имеем право ходить по всем лагерям, кроме, конечно, № 3, значит, вы всюду можете иметь связь... Поймите, почему я предлагаю вам нашу помощь: я уверен, что когда будет уничтожен этот лагерь, а быть может, и раньше, все, кто здесь находится, в том числе и «капо», будут убиты немцами.

— Хорошо, что вы это понимаете, — сказал я и задал ему в упор вопрос:

— Вы могли бы убить немца?

Бжецкий ответил не сразу, но твердо:

— Да. Если, конечно, это нужно для пользы дела.

— Давайте пока закончим на этом наш разговор. Потом побеседуем еще.

Он ушел, а я глубоко задумался. Помощь Бжецкого, несомненно, может сильно пригодиться. И в то же время опасно доверять ему.

«Надо посоветоваться со Шлеймой», решил я. Шлейма был моим другом еще по Минскому лагерю. Коммунист, старый подпольщик — варшавский рабочий, он был умелым, искусным агитатором, и все заключенные в Собибуре с первых же дней стали относиться к нему с уважением.

12 октября. Прибыл еще эшелон. Вокруг лагерей была поставлена усиленная охрана. Вскоре раздались автоматные очереди. Оказалось, когда голых людей вели в третий лагерь, они догадались, что идут на смерть, и бросились бежать в разные стороны, но едва достигли проволочных заграждений, как были скошены огнем немцев.

Навсегда в моей памяти останется то, что я видел сегодня. В нашем лагере было 18 больных, работать они не могли, а лечить их немцы не хотели: «зачем лечить, лучше убить их... ведь так легко заменить их другими». И вот сегодня немцы во главе с Францем вывели из барака всю эту партию больных. Среди них был молодой голландец. Он шел, шатаясь, едва держась на ногах. Жена голландца, узнав, что ее больного мужа ведут на «фабрику смерти», не помня себя от ужаса, бледная, как полотно, ринулась за колонной и, нагнав ее, крикнула Францу:

— Изверги, вы выводите моего мужа на смерть, так берите же и меня. Я не хочу, слышите — не хочу жить без него! — Она схватила мужа за руку и, не отрывая от него взгляда, соразмеряя свой шаг с его неверной, колеблющейся походкой, пошла в колонне смертников.

По моему приглашению вечером, после работы, в столярной мастерской собрались Шлейма, Борис, Янек, старший портной Юзеф, сапожник Якуб и еще трое.

Беседу с ними я начал с того, что передал им предложение Бжецкого и спросил, следует ли

принять его в нашу группу. Посоветовавшись, согласились принять. Тогда я послал одного из собравшихся за Бжецким. Вскоре он пришел.

Первый план — бежать путем подкопа — был уже нами ранее обсужден и отвергнут как негодный. Поэтому я познакомил собравшихся со вторым планом, выработанным мной и Шлеймой.

— Бежать надо всем, уничтожив предварительно всех немецких офицеров, поодиночке и быстро, в течение одного часа, чтобы они не успели обнаружить исчезновения своих и поднять тревогу. Уничтожить их надо в мастерских, куда они будут вызваны под разными предложениями. Людей для уничтожения офицеров назначу я сам. Выполнить это надо так: после обеда, в три с половиной часа.

Бжецкий под каким-нибудь предлогом поведет во второй лагерь трех наших людей, которые должны убить там четырех офицеров. Борис отвечает за то, чтобы ни один человек не выходил из лагеря до тех пор, пока я не дам сигнала к побегу. В четыре часа мы должны перерезать связь, проходящую через второй лагерь в помещение резервной охраны. Также в четыре часа начать

уничтожение офицеров в лагере № 1, приглашая их по одному в мастерские. В четыре с половиной часа Бжецкий выстраивает всех лагерников в колонну, якобы для работы, и они направляются к главным воротам. В первые ряды колонны становятся люди из СССР. По дороге они должны овладеть оружейным складом, после чего незаметно пристроиться к колонне и, дойдя до ворот, снять часового и напасть на караульное помещение.

— А что если побег будет обнаружен и охрана откроет стрельбу? — спросил озабоченно Борис. — Ведь немцы могут успеть перекрыть пулеметным огнем дорогу к воротам. Хорошо, если мы сможем захватить достаточно оружия, а если не удастся?

— На этот случай у меня есть второй вариант, — ответил я. — Вы знаете, что офицерский домик находится совсем близко к проволочному заграждению. Я думаю, что немцы либо совсем не заминировали подходы к домику, либо использовали только сигнальные мины, не представляющие опасности. Таким образом, в этом месте легко будет прорвать проволоку. Бегущие

впереди должны забрасывать дорогу камнями, чтобы подорвать мины. И еще: одновременно с построением колонны в первом лагере будет послан человек в лагерь № 2 для вывода оттуда людей... Вот и все, — закончил я. — Есть ли какие замечания или поправки?

Товарищами было внесено несколько предложений, но в целом план был принят.

Прощаясь, я предупредил: «Ни слова никому, хотя бы самому близкому человеку. Малейшая неосторожность, — погибнем не только мы, но и все».

13 октября. Мы опять собрались и окончательно решили бежать 14 октября. Всю эту ночь я и Шлейма не спали. Лежа рядом на нарах, мы советовались, уточняли план. Думали, какие меры принять в случае неожиданностей. В ту же ночь мы раздали ножи надежным людям.

14 октября. День ясный, солнечный. Я с утра работал в отделении столярной мастерской, в одном из барakov, из окна которого мне был виден весь двор лагеря № 1. Со мной находилось еще семь лагерников. Никто из них не знал о по-

беге, но все смутно чувствовали, что надвигаются важные события. Да и весь лагерь в этот день был в каком-то напряженном состоянии.

В двадцати метрах от меня в другом бараке работал Шлейма с группой в двадцать человек. Людей в эту группу он подобрал по моему указанию с помощью Янека. В десять часов утра меня вызвал в столярную Янек. Там был и Шлейма. Он сообщил мне:

— Ну, многое уже наладили. Эрнста Берга мы пригласили к четырем часам в портняжную мастерскую примерять костюм. В сапожную мастерскую придут начальник лагеря №3 Гетдингер — тоже в четыре часа, и унтершарфюрер Клятт — пятнадцатью минутами позже. А к четырем часам к тебе явится Франц осмотреть шкафы. Остальных офицеров я тоже вызвал в мастерские.

Я вернулся в столярную. Вскоре ко мне пришел Шубаев. Я сказал ему:

— Сегодня в три часа дня пойдешь в портняжную мастерскую. Захватишь с собой стамеску, рубанок и топор. Помни: если промахнешься и немец поднимет крик, мы погибли.

Затем явился Цыбульский. Я обратился к нему:

— Тебе поручаю самое сложное задание, потому что знаю тебя давно. С тобой пойдут еще двое. Возьмите два топора. За вами зайдет Бжецкий и отведет в лагерь № 2.

— Не беспокойся, Саша. Можете положиться на меня.

В два часа дня неожиданно нам помешали: пришел один из немецких офицеров, Вальтер, взял Бжецкого и еще трех человек и повел их куда-то. Все, кто знал о предстоящем побеге, очень встревожились: неужели кто предал? Ведь Вальтер пришел в лагерь с автоматом, а раньше в лагерь офицеры, вооруженные автоматами, не заходили... Лишь в три часа мне сообщили, что Бжецкий был направлен для укладки леса в «Норд-лагерь». А так как пошли без часовых, то офицер взял с собой автомат. Я приказал тогда «капо» Генику взять из группы Шлеймы трех человек с топорами, во главе с Цыбульским, и отправиться во второй лагерь.

Случилось так, что начальник всех лагерей Эрнст Берг прибыл в портняжную мастерскую

на двадцать минут раньше срока. Он слез с лошади, бросил поводья и вошел. Там были Шубаев и Сеня. У дверей лежал топор, прикрытый гимнастеркой.

Берг снял мундир. Пояс, на котором висел пистолет в кобуре, положил на стол. К нему поспешил портной Юзеф и начал примерять костюм. Сеня подошел ближе к столу, чтобы перехватить Берга, если он бросится за пистолетом. Убить топором немца должен был Шубаев.

Эрнст Берг все время стоял лицом к Шубаеву. Тогда Юзеф повернул немца лицом к двери под предлогом, что так лучше делать примерку. Шубаев схватил мгновенно топор и со всего размаха хватил Берга обухом по голове. Из нее брызнула кровь. Фашист вскрикнул и зашатался. Лошадь, услышав крик хозяина, шарахнулась от мастерской. Если бы она побежала по лагерю, то это могло сорвать все наши планы. К счастью, один из лагерников успел схватить лошадь под уздцы.

Вторым ударом Шубаева Берг был добит. Труп его бросили под койку в мастерской и закидали вещами. Залитый кровью пол быстро засыпали приготовленным заранее песком.

Тотчас же Шубаев схватил пистолет Берга и принес мне. Я обнял его.

— Спасибо, дружище... Ну, теперь начало положено, и никто уже не отступится... Беги назад!

Все это утро я сильно волновался, хотя всячески старался скрыть это. Но как только я узнал, что немцев уничтожают и план выполняется, я сразу успокоился.

Ровно в четыре часа начальник «фабрики смерти» — лагеря № 3 — Гетдингер явился в сапожную мастерскую и спросил, готовы ли его сапоги.

— Да, — ответил Якуб. — Примерьте.

И когда он стал примерять, Аркадий одним взмахом топора зарубил его.

В десять минут пятого в сапожную вошел обершарфюрер Грейшут. Он был убит тут же Сенеи. В четыре часа двадцать минут ко мне прибежал из лагеря № 2 Цыбульский и сказал, волнуясь:

— Четырех уничтожили. Связь перерезали, два пистолета оставили там надежным людям.

Почти одновременно с этим во двор вошел унтершарфюрер Гаульштих. К нему подбежал Шлейма:

— Я не знаю, как дальше нары делать. Войдите в мастерскую, а то все стоят без работы.

Гаульштих направился в барак. За ним пошел «капо» Шмидт. Но Бжецкий взял его за руку и удержал:

— Если хочешь жить, не ходи, не мешай!

Шмидт с ужасом посмотрел на Бжецкого. Тот отвел Шмидта в сторону и продолжал разговор...

Тем временем Гаульштих был убит Шлеймой. Покончив с ним, Шлейма пришел ко мне и общил:

— Сейчас жестянщики принесли в водосточных трубах шесть винтовок с патронами. А слесарь Генрих Энгель, из Лодзи, работающий в гараже, убил унтершарфюрера Бекмана и захватил его автомат.

— Хорошо. Но как нам быть с Францем? — спросил я. — Он так и не явился.

— Черт с ним! Не мы, так другие его уничтожат. Уже мы отправили «на тот свет» десять офицеров. Бежим, Саша, пора, пора, уже без двадцати минут пять.

— Ладно. Но, может быть, еще явится Франц. Через десять минут Бжецкий даст сигнал к по-

строению. Отправь человека в лагерь № 2, пусть тоже выходят, и позови, пожалуйста, Люку.

Минуты через две прибежала ко мне взволнованная Люка.

— Что случилось? — спросила она, задыхаясь.

— Через десять минут все бегут из лагеря. Оденься поскорей во все мужское: в юбке бежать через лес будет неудобно.

— Саша, неужели ты решился?

— Люка, поздно уже говорить об этом. Мы убили почти всех немцев.

— Саша, я боюсь. Не за себя боюсь, за других, за тебя... Что они сделают, если поймают. — Она начала плакать.

Посмотрев на нее строго, я сказал:

— Время не ждет. Иди скорей оденься.

Раздался свисток к построению. Все выбежали из барачков, спешили, рвались вперед к воротам.

Во двор вошел начальник караула — немец из Поволжья — и стал ругаться:

— Стройтесь, ведь вы же слышали свисток! Шнель, русь!

Он положил руку на кобуру, но не успел выхватить пистолета, как несколько топоров опустилось на его голову. Женщины заволновались. В этот момент к нам приближалась колонна из второго лагеря. Нельзя было терять ни одной секунды. Я крикнул:

— Товарищи! К воротам!

Все ринулись вперед. Сначала побежали к оружейному складу.

Оставшиеся в живых немецкие офицеры попытались преградить дорогу толпе, открыв огонь из автоматов, но поднять общую тревогу они не успели.

Народ хлынул в сторону, вдоль лагеря № 1. Некоторые стали перерезать проволоку возле офицерского домика. Остальные кинулись к центральным воротам. Сняв часового, побежали в лес, отстреливаясь на ходу из захваченных у убитых немцев пистолетов и винтовок. Те, у кого не было оружия, засыпали глаза фашистов песком, бросали в них камни.

Группа, бежавшая из второго лагеря, во главе с Борисом, бросилась влево от центральных ворот. Я видел, как некоторые из них начали про-

рывать колючую проволоку. Им пришлось преодолевать заминированное поле, и здесь многие погибли. Остальные бежали к центральным воротам, сняв часового.

Я покинул лагерь одним из последних; только тогда, когда убедился, что все уходят из него.

Несколько часов я бежал по лесу. Сердце у меня колотилось так сильно, что, казалось, вот-вот оно разорвется; ноги подкашивались от усталости; руки и лицо я ободрал о колючки кустарников, из царапин лилась кровь, но в своем возбуждении я не чувствовал боли.

Меня волновало: «Что стало с Люкой, Шлеймой, Борисом и другими? Сколько лагерников погибло при побеге?»

На пути я то и дело торопил, подгонял товарищей.

Собрав своих спутников, я сказал им:

— Пока что начало удачное. Но все еще впереди. Бежать нужно организованно. Все вы идите за мной, цепочкой, не обгоняйте друг друга. Сохраняйте тишину, никаких разговоров. Без моего разрешения не останавливайтесь. Понятно? Кто знает по-русски, переводите другим... А теперь скажите, кто из вас видел Люку и Шлейму?

Все молчали.

— Ну, в путь!

Наконец, мы вышли на опушку леса. Впереди расстилалось ровное поле. Не было даже кустарников. Но идти нужно, нельзя медлить ни минуты.

Я собрал всю свою группу и объяснил:

— Идти будем по-прежнему гуськом. Если я лягу на землю, ложитесь тотчас же и вы.

Вскоре мы очутились возле канала, где встретили группу лагерников во главе с Шубаевым. Я спросил его:

— Что со Шлеймой, видел ли его?

— Да, немцы ранили его в ногу. Но он бежал вместе с нами еще километра три, а потом свалился и все просил, чтобы его пристрелили; но, конечно, об этом не могло быть и речи. Его понесли с собой лагерники, направившиеся в сторону Хелма. В этой группе был и Борис.

— Но почему же не вы взяли с собой Шлейму? Если б вы знали, как много он сделал для организации побега!.. А Люку ты видел или слышал что о ней?

— Нет.

Наша группа, теперь уже в составе шестидесяти человек, двинулась дальше.

Начинало светать. Моросил мелкий дождь. Я выслал разведку. Она выяснила, что мы находимся метрах в пятидесяти от железнодорожного полотна. Примерно в полукилометре была видна группа людей, работавших на путях.

Весь день мы лежали неподвижно. Вокруг была слышна стрельба, летали немецкие самолеты, разыскивая бежавших. Два «стервятника» несколько раз проносились над нами на бреющем полете, но не обнаружили нас.

Так прошел первый день нашей свободы — 15 октября.

Поздно вечером мы встретили еще двух лагерников.

Я спросил их:

— Вы Люку знаете?

Один из них ответил:

— Да, знаю.

— Нигде не встречали ее?

— Видел ее в одной из групп, бежавших в сторону Хелма.

Радость переполнила мое сердце. «Где-то она сейчас, — думал я, — по каким лесным тропкам

пробирается? Кто ведет ее и других? И сумеет ли провести благополучно?»

Вечером мы отправились снова в путь. Пройдя километров пять, вступили в лес и разбились на мелкие группы.

В мою группу вошли Шубаев, Цыбульский, Аркадий Вайспапир, Михаил Ицкович, Семен Мазуркевич и еще трое. Мы решили идти по ночам, направляясь к Бугу, перебраться через него и держать путь дальше на восток.

Изредка мы заходили в хутора, расспрашивали жителей о дороге, добывали продовольствие. Поляки очень хорошо относились к нам, помогали всем, чем только могли, снабжали продуктами, предупреждали нас, где стоят немецкие отряды и как обходить их.

Так шли мы три дня. 19 октября мы остановились на отдых в лесу, около одного из хуторов. Вблизи, на расстоянии немногим больше километра, катил свои волны широкий Буг.

Мы отправились на хутор. Я, Шубаев и Цыбульский вошли в одну из хат, остальные остались на страже.

Войдя в хату, мы увидели старуху, лежащую на печи. У стола сидел старик лет семидесяти,

немного поодаль от него — молодая женщина, раскачивавшая босой ногой люльку с ребенком. В комнате был еще здоровенный парень, муж молодайки, как потом оказалось.

Мы поздоровались и попросили хозяйку завесить окна. Та молча сделала это.

— Отдыхайте, — сказал тихо старик.

Я решил действовать «в открытую». Рассказал им, что мы бежали из немецкого плена, и спросил, можно ли перейти вброд Буг в этой местности.

Парень согласился показать нам брод с условием, что мы его не выдадим, если немцы захватят нас. Мы пообещали это. Жена парня дала нам в дорогу хлеба. А старик, когда мы уже вышли из хаты, выскочил босиком во двор и перекрестил нас со словами:

— Дай вам бог спастись, дай бог!

...В ночь на 20 октября мы вступили на землю Белоруссии. 22 октября мы встретили не так далеко от города Бреста партизан из отряда имени Ворошилова. А 23 октября мы уже получили первое боевое задание.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПОСЛЕСЛОВИЕ

*Люди должны знать правду о фашизме
и понимать, что фашизм это
действительность, а не выдумка евреев*

А. Печерский

Вы только что перевернули последнюю страницу брошюры, где Александр Печерский впервые поведал «городу и миру» о восстании в Собиборе. Что же случилось после того, как он оборвал повествование на полуслове, на полученном в партизанском отряде боевом задании? Оборвал потому, что не мог сказать правду о том, как после соединения партизанского отряда с регулярной армией ему вместо награды дали направление в штрафное подразделение для побывавших в плену офицеров — штурмовой стрелковый батальон. Так Печерский вновь попал на передовую, был тяжело ранен, кровью искупив несуществующую вину перед родиной, а оттуда — в госпиталь в подмосковной Коломне.

Тем временем сведения о восстании и побеге из Собибора стали проникать в советскую пе-

чать. Летом 1944 года командир формировавшегося в тот момент 15-го отдельного штурмового стрелкового батальона майор Андреев, впечатленный рассказом Печерского о пережитом, вопреки правилам разрешил ему поехать в Москву. Там его историю выслушали писатели Вениамин Каверин и Павел Антокольский и написали на ее основе очерк, предназначенный для «Черной книги» — предпринятого по инициативе Альберта Эйнштейна собрания свидетельств о зверствах нацистов в отношении евреев.

В госпитале Печерскому попалась на глаза «Комсомольская правда» от 2 сентября 1944 года со статьей А. Рутмана и С. Красильщика «Фабрика смерти в Собибуре», он откликнулся письмом, письмо опубликовали в газете 31 января 1945 года. А всего полтора месяца спустя, 14 марта 1945 года, в Ростовском областном издательстве была подписана в печать та небольшая книжка, переиздание которой держит в руках читатель. Я долго не мог объяснить ту скорость, с какой она была написана и подготовлена к изданию, куда не поговорил на эту тему с дочерью Печерского Элеонорой Александровной Гриневич, и ныне проживающей в Ростове. Вот ее рассказ.

Элеоноре было десять лет, когда выяснилось, что отец жив. Из госпиталя пришло письмо, до этого момента его считали без вести пропавшим. Потом письма пошли одно за другим — матери, брату и сестрам, и в каждом из них описывалось произошедшее в Собиборе, эпизод за эпизодом, фрагмент за фрагментом.

Младшая сестра Печерского Зинаида, журналистка, работала в ростовской областной газете «Молот». Вся редакция знала, что у коллеги пропал брат, а потом нашелся. К тому же оказалось, что какого-то «Сашко из Ростова» разыскивает Еврейский антифашистский комитет, куда из разных концов Европы шли письма благодарных узников, вырвавшихся благодаря ему из ада. Да это ж он и есть! Кому-то в редакции пришла в голову мысль «слепить» из писем Печерского книгу, так и поступили.

Сейчас уже трудно сказать, где там рука Печерского, а где — правка редактора. В любом случае, это памятник эпохи, написанный на ее языке, и не будем его судить, исходя из сегодняшних представлений. Вряд ли следует и выискивать неточности — они есть, да их и не могло не быть, ведь автор провел в лагере совсем недолгое время

и не мог в 1945 году знать всех деталей, точных имен эсэсовцев и т.д. За минувшие годы издано немало книг о случившемся в Собиборе, и даже в них, основанных на документах и скрупулезно собранных свидетельствах всех выживших, есть расхождения в описании последовательности событий и каких-то частных фактов.

Важно, что это первая книга о восстании в лагере, к тому же написанная его организатором. Между прочим, это чудо, что она вообще увидела свет. Спустя год или два издание могло не состояться вовсе — напомним, в 1947 году по команде ЦК был рассыпан набор упомянутой выше «Черной книги» вместе с очерком о Собиборе.

Тем не менее у молодого читателя, не нюхавшего запах той эпохи, наверняка возникнет недоумение — почему в брошюре о лагере, где были одни только евреи и никого другого среди восставших быть не могло, слово «еврей» не упомянуто ни разу. Сам Печерский тут, разумеется, ни при чем. Готовившему ее к изданию редактору приходилось учитывать отрицательные отношения власти, и особенно власти местной, к любому такому упоминанию. Достаточно сказать, что за

всю войну в ежедневных сводках Совинформбюро не было ничего или почти ничего (за малым исключением) о гетто и казнях их обитателей, о массовых убийствах евреев. Представляю, как обидно было Печерскому видеть замалчивание трагедии еврейского народа.

Конечно, сам Печерский, судя по тому, что мне о нем известно, ощущал себя прежде всего советским человеком, советским офицером и вел себя сообразно советскому мифу, ставшему в войну былью, — помогал товарищам, проявлял заботу о слабых, бесстрашно шел на смерть за общее благо. Он не был верующим иудеем, не знал даже языка родителей — идиша, ему пришлось вспомнить о происхождении в момент, когда в плену его отделили от других военнопленных и отправили на «фабрику смерти». Всем попавшим в плен приходилось несладко, но остальные пленные хотя бы гипотетически могли рассчитывать на выживание, у него же, как еврея, шансов не было вовсе.

Вот почему в его сердце стучал пепел четверти миллиона людей, задушенных и сожженных в Собиборе, и он поднял на восстание тех, кто до

встречи с ним покорно шел на смерть. Под его водительством жертвы, пусть и ненадолго, поменялись местами с палачами, перебив одного за другим своих мучителей-эсэсовцев, а потом устремились вон из лагеря. Так Александр Печерский стал героем не только советского, но и еврейского народа.

Что же это был за человек — Александр Печерский? Вся его жизнь *до и после* может быть уложена в несколько строк автобиографии, той самой, что писали в советское время при устройстве на работу, а если брать за образец нынешние резюме — и того меньше. После школы служил в армии, работал на скромной хозяйственной должности, большую часть послевоенного времени до самой пенсии трудился на заводе простым рабочим. По свидетельству всех, кто его знал, никогда ни у кого ничего не просил. Ни повышенной пенсии, ни наград, и этим пользовались те, кто упорно не желал замечать его подвиг.

У меня имеется большой недостаток, я не умею защищать свои интересы, я становлюсь бессиль-

ным, но интересы других я всегда с успехом защищаю, — говорится в одном из его писем. — Если бы в лагере я пытался один бежать, то провалился бы, но когда решалась судьба других людей, я более здраво решал вопросы.

Это письмо я прочитал в Музее Холокоста в Вашингтоне, где хранится обширная переписка Печерского с выжившими узниками Собибора. Они писали ему, присылали книги и вырезки, в том числе и из-за границы, куда его ни разу не выпустили, даже на премьеру снятого о нем в Голливуде сериала. Печерский отдавал полученные тексты (за свои скромные средства) в перевод и внимательно прочитывал, строго следя за тем, чтобы о восстании не просочилась никакая неправда.

В израильском городе Реховоте мне посчастливилось познакомиться с другом Печерского, девяностопятилетним писателем Михаилом Левом, сохранившим и передавшим в музей всю собранную им переписку Печерского. Он сам имеет боевую биографию, за его спиной плен и партизанский отряд. Но со дня начала дружбы с

Печерским, случившегося полвека назад, смыслом его жизни и содержанием написанных им книг стал Собибор, сохранение памяти о восстании.

«Я, конечно, очень устал, совсем обессилел, — признавался Александр Печерский в письме Михаилу Леву от 6 ноября 1985 года, делаясь с другом, сколько сил уходило на то, чтобы озвучить свидетельство о Собиборе. — Я понимаю, что это нужно. Люди должны знать правду о фашизме и понимать, что фашизм это действительность, а не выдумка евреев». Почти семь десятилетий минуло с той поры, а эту аксиому все еще нужно повторять, и, боюсь, — благодаря расплодившимся «ревизионистам-отрицателям» Холокоста — еще громче, чем прежде.

Еще одно замечание, адресованное тем, кто знает о Великой войне по кино и кому прочитанная история напомнит недавний блокбастер «Бесславные ублюдки». Помните, в нем группа американских солдат-евреев на излете Второй мировой войны мстит за Холокост, забивая эс-совцев бейсбольными битами? Создатель фильма Квентин Тарантино выдумал свой сюжет с

верой в кино и в его способность переделать действительность. Пребывая в полной уверенности, что евреи покорно шли на плаху, он решил хотя бы на экране отплатить гитлеровским извергам той же монетой, око за око.

Историю же вовсе не обязательно переделывать, ее надо знать.

Лев Симкин

ВОССТАНИЕ В СОБИБОРЕ*

Семеро нас теперь, семеро нас собралось на Советской земле: Аркадий Вайспапир, Шимон Розенфельд, Хаим Литвиновский, Алексей Вайцен, Нухим Плотницкий, Борис Табаринский и я — Александр Печерский, семеро из сотен бежавших 14 октября 1943 года из страшного гитлеровского лагеря истребления на глухом польском полуостанке Собибор.

Сперва немного о себе.

Я родился в 1909 в городе Кременчуг на Полтавщине. В 1915 году родители мои переехали в Ростов-на-Дону. Я закончил семилетку и музыкальную школу. Работал служащим и руководил театральными и музыкальными кружками самодеятельности.

* Данный текст предоставлен Светланой Анатольевной Богдановой и представляет собой расшифровку монологов А.А Печерского. Предположительно, они были записаны и обработаны Г. Шапиро в 1964–1973 гг.

В первый же день нападения гитлеровской Германии на Советский Союз я, как младший командир, был призван в Красную Армию. В сентябре на фронте я был аттестован как интендант второго ранга и работал сперва в штабе батальона, а затем в штабе полка.

Лето и осень 1941 года. Беспрерывные бои с нападками полчищами немецко-фашистских армий. Из одного окружения выходим, в другое попадаем. В начале октября 1941 года в боях под Вязьмой был тяжело командир полка. Мне и политруку Пушкину было приказано вынести из окружения раненого комиссара. На второй день комиссар скончался от полученных ран, а мы попали в лапы гитлеровцев.

В плену я заболел сыпным тифом. Всех военнопленных, больных тифом, немцы обычно расстреливали. Я скрыл свою болезнь и как-то чудом остался жив. В мае 1942 года я вместе с четырьмя пленными пытался бежать, но нас поймали и отправили в штрафную команду в город Борисов, а оттуда в Минск.

В Минск мы прибыли в конце лета 1942 года. В лагере, в лесу нас было несколько сот человек. В один из августовских дней нас выгнали из ба-

раков и построили в шеренгу по два для отправки в Германию. Перед отправкой произвели медицинский осмотр и обнаружили, что я еврей. Кроме меня было выявлено еще восемь евреев.

Нас бросили в так называемый еврейский подвал. «Отсюда, — сказал полицейский, охранявший подвал, — одна дорога — только на тот свет». В подвале царила крошечная тьма. Здесь было набито столько людей, что негде было приткнуться. Лишь на пятый-шестой день, когда большая часть загнанных сюда людей погибла и трупы были вынесены из подвала, можно было прилечь на пару часов, и то только на боку. Мы валялись на голой сырой земле. Мы не могли отличить дня от ночи, потеряли счет дням. Только когда приносили баланду и пайку хлеба в сто граммов, мы догадывались, что прошли сутки. Только по голосу мы соображали, кто где лежит. В подвале мы пробыли десять суток. За это время нас ни разу не выводили.

Каждый раз, когда открывалась дверь, чтобы вынести труп, охранник кричал в подвал:

— Долго еще ждать, пока вы все сдохнете?

Однажды старший охранник сказал:

— Вы нам уже надоели, но нет приказа вас расстрелять. Может, хватит вам мучиться, давите друг друга.

Я бросил ему в ответ:

— Вы этого не дождетесь.

В подвале я сблизился с двумя товарищами по несчастью: с донбассовцем Борисом Цибульским и польским коммунистом Шлойме Лейтманом. Им я назвал свое имя — Александр Печерский.

Нам повезло. Нас не расстреляли. Немецкой империи требовались не только могилы, им нужны были и рабы. Часто случалось, что срочно требовались рабочие. В то утро потребовались они коменданту Минского рабочего лагеря СС.

20 августа 1942 года на рассвете охранник открыл дверь в подвал и приказал всем выйти наверх. Люди заколебались — не к добру. Раздался вторичный окрик охранника. Ему на помощь пришли полицейские. Я сказал:

— Пошли! Сопротивляться бесполезно.

Мы вышли из подвала. Свет ослепил нас. Вдохнули полной грудью свежий воздух. Но от утренней прохлады озябли.

Построились. Нас было тридцать человек. Колонной повели в Минск. К вечеру добрались до

эсэсовского рабочего лагеря на улице Широкой. По дороге было пять человек расстреляно.

В эсэсовском рабочем лагере было около 900 человек, из них 500 квалифицированных мастеровых — сапожников, портных, плотников, столяров, доставленных сюда из Минского гетто. В последнее время сюда было доставлено также сто военнопленных евреев. Было также человек 300 неевреев, загнанных сюда за разные провинности.

Когда наша группа прибыла из лесного лагеря в минский рабочий лагерь, ко мне и Лейтману подошел человек с желтой латой на одежде и тихо сказал:

— Когда вас спросят, отвечайте, что вы столяры.

— Я в жизни рубанка в руках не держал, — сказал я.

— Это не ваше дело. Первое время мы будем за вас работать.

— Спасибо, товарищ. Кто вы?

— Лившиц. Леонид Лившиц. Из Минска. Жену мою на днях расстреляли. Мой двенадцатилетний сын остался в гетто.

Плохо обстояло дело с тяжелораненым Семеном Розенфельдом. Он действительно потомственный столяр и умеет работать рубанком, но в подвале у него открылась рана и после пройденных семи километров состояние его ухудшилось и он не мог подняться с места. Кто-то ему принес мешочек с пшеном и, лежа на наре, он жевал его. Спас Семена Розенфельда минский врач Берман. С помощью капо Блатмана его поместили в изолятор.

Если Аркадий Вайспапир остался в живых, так это благодаря капо Шлойме Блатману, боксеру из Польши. Это он распорядился зачислить Аркадия в команду под странным названием «генерал-губернаторство» (команду так звали потому, что она состояла из польских евреев) и предупредил его:

— Пока парень не поправится, спрячьте его на время работы в дровах. Только не забудьте выделить ему порцию баланды.

Работа в эсэсовском лагере была каторжная. Подъем в 5 часов, работу кончали в 8 часов вечера. Хлеба давали два раза в день по 150 грамм, на обед суп из картофельной шелухи и все.

Помимо каторжных условий режима, гитлеровцы устраивали для своего удовольствия разные «развлечения». Например, вечером, при раздаче хлеба, помощник коменданта приказал команде построиться друг другу в затылок, нос уткнуть в затылок впереди стоящего. После этого, положив руку с пистолетом на плечо первого, начинал стрелять. Пули попадали в тех, кто не успел вытянуться в струнку. Или же такое: когда все уже укладывались на нары на ночь, появлялся сам комендант Вакс со своими двумя служебными собаками и натравливал их на кого-нибудь из лежащих. Собаки срывали одеяло, рвали тело, а жертва вынуждена была молчать, иначе смерть.

Одного лагерника, заподозренного в похищении 200 граммов хлеба, привязали к бочке, и двадцать фашистов один за другим, каждый в течение одной минуты били его трубой по пяткам. Когда он потерял сознание, облили холодной водой и продолжалась экзекуция.

Команда, куда попал Аркадий, состояла из 90 человек и работала во дворе на колке дров. Здесь же находился склад оружия. Через сени, где были сложены пустые ящики, группа плен-

ных забралась на чердак оружейного склада, пробила в потолке отверстие и достала со склада значительное количество винтовок и патронов и спрятала их в разрушенном доме, вблизи электрической пилорамы.

Пленные договорились с гражданским шофером вывезти на своей машине оружие и спрятать его в безопасном месте. Видимо, шофер был провокатором, машина была окружена немцами и на месте возле пилорамы было расстреляно 6 человек и 20 было расстреляно в гараже.

Вайспапир и Цибульский случайно спаслись, так как в это время их не оказалось во дворе.

Остальных потом гнали по городу с поднятыми руками, во дворе рабочего лагеря их избивали до смерти. Одного красноармейца, Бориса Когана из Тулы, облили кипятком, затем холодной водой и живого бросили на снег, где он и замерз. Капо Блатмана арестовали и отправили в Собибор, где его и сожгли.

Наступила весна. С юга возвращались птицы. Снег таял даже под опилками. Под греющим солнцем высыхали лужи. На деревьях появились первые почки. Вокруг много солнца. Только лагерники были еще во вшивых телогрейках.

Лейтман, Цибульский и Лифшиц готовились к побегу. Розенфельд и Вайспапир попали в рабочую команду, которую отправили на несколько месяцев в лес на строительство нового лагеря.

Когда Розенфельд и Вайспапир вернулись в лагерь на Широкой, им сразу бросилось в глаза, что здесь стало очень тесно. Из Минского гетто сюда гнали партию за партией. В лагерь также прибыло несколько эшелонов немецких евреев.

До этого времени из основного состава лагеря никого не отправляли.

В середине сентября 1943 года в течение трех дней никого на работу не выводили. 18 сентября в 4 часа утра, еще было совсем темно, подняли всех евреев со своих нар, веля собраться во дворе с узлами в руках, построили в очередь за получением 300 граммов хлеба на дорогу. Двор был заполнен людьми, но была полная тишина. Дети в страхе жались к матерям. В это утро никого не пороли, никого не обливали кипятком, ни на кого не травили собак. Комендант Вакс, играя своей плеткой, обратился к собравшимся со следующей речью:

— Вам повезло! Сейчас вас отведут на вокзал. Вы едете в Германию. Фюрер дарует вам жизнь.

Будете работать в Германии как квалифицированные специалисты и своим честным трудом оправдаете свое существование. Вместе с вами едут ваши семьи. Можете взять с собою лучшие вещи.

К лагерю подкатили грузовые машины, погрузили на них женщин и детей и отвезли на вокзал. Мужчин построили в колонну и под охраной эсэсовцев с собаками повели пешком.

Когда колонна проходила мимо гетто, жители его, сами изголодавшиеся, живые скелеты, стали бросать через колючую проволоку хлеб, картофель, свеклу, морковь, головку капусты.

Из гетто раздавались слова прощания, плач и отчаянные выкрики:

— Вас ведут на смерть! Вы слышите? На смерть.

Вдали от вокзала, в поле, стоял эшелон из 25 товарных вагонов. В каждый вагон втискивали по 70 человек — мужчин, женщин, детей. Нар, скамеек в вагонах не было. Чтобы прилечь, и речи не могло быть. Стояли, сжатые со всех сторон. Двери были заперты. Окна засечены колючей проволокой.

Так ехали мы четверо суток, не зная куда. За все время, что были в пути, нам не дали ни крошки хлеба, ни капли воды. Не выпускали из вагона для отправления естественных нужд.

Возле меня стояла молодая женщина с трехлетней девочкой на руках. Эту девочку я несколько дней тому назад заметил еще в лагере на Широкой. Золотоголовая, с синими глазами и точеными зубками. Кто-то сказал, что эту девочку зовут Этеле из гетто. Ее отец был военврач, а мать студентка Политехнического института.

— Как тебя зовут, — спросил я.

— Этеле.

— Идем ко мне. Маме ведь трудно держать тебя на руках.

Девочка протянула ко мне свои худые ручки и перешла ко мне на руки, обхватила ручками шею и стала сразу же дремать. Я качался в такт с качающимся вагоном. Каждый раз мать Этеле хотела взять у меня ребенка, но я отрицательно качал головой.

— Нет, я не устал.

Головка Этеле грела мою грудь, и мне казалось, что чувствую тепло своей единственной дочурки Элочки, однолетки этой девочки.

Ребенок проснулся и стал оглядываться.

— Я здесь, возле тебя, — успокоила ее мать.

— Мама, мне жарко. Я хочу домой.

— А где твой дом, — спросил я.

— В гетто. Там у нас имеются нары и много, много тряпок.

Я дал ей вареную картофелину и напиться из своей фляги, которую спрятал под рубахой.

От меня Этеле перешла к Шлойме Лейтману. Затем к портному Борису Эстрину, к еле державшемуся на ногах экономисту Лейбе Фаговичу, от него к железнодорожному инженеру Александру Шубаеву, а затем и к Борису Цибульскому.

— Дядя, возьмите немного ребенка на руки, — обратился Цибульский с стоящему с ним рядом бывшему майору Пинкевичу.

— Я сам еле держусь на ногах.

— Все мы еле держимся на ногах.

На пятые сутки, 22 сентября 1943 года, к вечеру эшелон прибыл на заброшенный полустанок. На белой вывеске большими черными буквами было написано: «Собибор». С одной стороны станции находился лес, с другой стороны был разбросан лагерь, обведенный тремя рядами ко-

лючей проволоки высотой в три метра. В проволочных рядах торчали ветки деревьев.

Эшелон перевели на запасный путь. Принесли воду — первый раз за пять суток. Пищу все еще не давали. На ночь всех опять заперли в вагонах.

23 сентября, в 9 часов утра паровоз медленно подал эшелон к воротам лагеря, на котором была вывеска с надписью «Зондеркоманда».

Далее следует подробный рассказ о подготовке восстания и о нем самом. Приведенный выше текст книги «Восстание в Собибуровском лагере» представляет собой укороченную и подцензурную версию этого рассказа.

О моей жизни и работе среди партизан отдельная глава, которую, может быть, когда-нибудь расскажу.

Я дожил до того дня, когда наш отряд соединился с Советской армией и заменил на своей фуражке красную ленточку на красную звездочку. Опять бои... В августе 1944 года я был тяжело ранен, пролежал четыре месяца в госпитале, назначен был в резервный полк, а затем домой в Ростов.

О том, как разворачивались события в Собиборе после нашего бегства, я узнал впоследствии.

Еще вечером того же дня, когда мы бежали из лагеря, т.е. 14 октября, по железнодорожному телеграфу пошла срочная телеграмма: «немедленно направить войска и нагнать восставших».

Молодая женщина, работавшая телеграфисткой на Хелмском вокзале, рискуя своей жизнью, задержала телеграмму на четыре часа.

16 октября в Собибор прибыла специальная саперная часть. Динамитом были взорваны все помещения лагеря и сторожевые вышки. Были вырваны из земли столбы вместе с колючей проволокой. Бульдозеры, экскаваторы, работавшие на рытье ям для захоронения останков сожженных трупов, были погружены на платформы и увезены из лагеря. Были увезены моторы, нагнетавшие газ в «баню», вагонетки с еще нагруженными на них трупами. Даже гусей и кроликов забили на месте.

Гитлеровский лагерь смерти Собибор, где за время его существования были истреблены сотни тысяч евреев, 14 октября 1943 года прекратил свое существование.

Из Берлина поступил срочный секретный приказ: любой ценой уничтожить повстанцев. Немало беглецов было поймано. Но многие нашли дорогу к партизанам. Другие нашли убежища у польских крестьян.

Позже я в печати встречал некоторые имена тех, которые спаслись из Собибора.

Калимали — Александр Шубаев погиб героической смертью в партизанском бою с немецкими оккупантами.

На всю жизнь останется в моей памяти Борис Цибульский, донбассовец, высокий, здоровый, подвижный мужчина лет 35, с крупными чертами лица, с черными глазами, бывший мясник и биндюжник, несколько грубоватый, но добродушный и веселый, немного болтливый. В его грубости было много человеческого тепла, она была напускная. Он помогал истощенным людям передвигаться, но делал это так, чтобы они не думали, что из жалости к ним, наоборот, подбадривая их своими грубоватыми шутками и поговорками. Решительный, отважный. Ему можно было поручить самое трудное и опасное дело, рука его не дрогнет.

Он и выполнил ответственное задание, ликвидировав во втором лагере в Собиборе четырех фашистов. Вместе бежали, вместе переправились через Буг. На второй день после переправы Цибульский заболел воспалением легких. Мы уже были в партизанской зоне, с большим трудом донесли его до населенного пункта. Там мы оставили Цибульского, по его же просьбе. С ним осталась одна женщина, бежавшая из гетто и присоединившаяся к нам после переправы.

Мы вступили в партизанский отряд и получили боевые задания. Руководители партизанского отряда заверили, что за ним будет обеспечен уход, он находился в партизанской зоне.

В апреле 1944 года мы узнали, что Цибульский скончался от воспаления легких.

Как я уже говорил в начале повести, нас собралось на советской земле семь собиборцев, активных участников и организаторов восстания в лагере смерти: Аркадий Вайспапир, Алексей Вайцен, Шимон Розенфельд, Хаим Литвиновский, Нухим Плотницкий и Борис Табаринский.

О некоторых из них я хочу дать некоторые сведения.

Аркадий Вайспапир. Родом из старой еврейской колонии Бобровый Кут на Херсонщине. Там родился его дед-кузнец, отец — полковой бригадир. Там Аркадий закончил десятилетку, оттуда он накануне войны ушел в Красную Армию и служил на границе, недалеко от Бреста.

Под Черниговым он был ранен в третий раз. Товарищ перевязал ему рану и нес на себе до реки Десна. Аркадий потерял сознание. Когда пришел в себя, он почувствовал острую боль и влажный холод. Над рекой раздавалось эхо орудийных залпов. В воздухе беспрерывно свистели пули и осколки. На берегу реки лежал труп товарища, который его сюда принес.

Как добраться до воды, чтобы хотя бы губы смочить? Аркадий пытался подняться, но тут же свалился. Немного легче стало, когда ему удалось развязать бинт, которым товарищ перевязал ему ногу, и выпустить из раны немного крови.

Появились немцы, они взвалили его на открытую грузовую машину, где лежало еще восемь красноармейцев.

Далее: Гомельский лагерь, Бобруйский, Минский, Собибор. Об этом я рассказал уже. Уча-

стие в организации восстания, бегство, переправа через Буг, вступление в партизанский отряд, соединение с Советской армией. Участие в боях, победа.

Ефим Литвиновский. Служил в 14-й кубанской кавалерийской дивизии. В плен был захвачен немцам на поле сражений, когда лежал раненый, без сознания. Попал в минский лагерь, оттуда в Собибор. Участвовал в организации восстания в Собиборе, бежал, попал сперва в польский партизанский отряд. Потом в Скворожницких лесах встретился с группой военнопленных красноармейцев, бежавших из плена. Командиром этой группы был Федор Ковалев. Вместе вступили в прославленное партизанское соединение дважды Героя Советского Союза Федорова.

Борис Израилевич Табаринский. Родился в 1917 году в Минске. Отец был рабочий. Борис окончил семилетку и пошел работать на кожевенно-галантерейную фабрику. Был сперва учеником. Затем закройщиком, гальванистом. На этой же фабрике работают его братья Зисель, Яша и их дети.

Война застала его в Минске. В военкомате велели ждать вызова. Он был младшим лейтенантом запаса. Минск был окружен немцами. Борис с сестрой Маней пытались вырваться из окружения. Днем и ночью шли они со многими беженцами на восток.

На Московской магистрали немцы перерезали им дорогу и заставили вернуться домой. Когда они вернулись, их дом уже был разрушен. Ежедневно их гнали на очистку города. В июле-августе 1941 года всех минских евреев согнали в гетто.

7 ноября 1941 года, в день праздника Октябрьской революции, гитлеровцы провели в Минске свою первую акцию — вывели из гетто 20 тысяч евреев и их расстреляли. Через две недели — 20 ноября провели вторую акцию, расстреляли снова несколько тысяч человек, в первую очередь врачей, инженеров, людей с высшим образованием.

Позже отправили Бориса в эсэсовский рабочий лагерь на Широкой, а в сентябре 1943 года всех из лагеря отправили в Собибор.

— Наилучший день в моей жизни, — говорит Табаринский, — это день восстания в Собиборе — 14 октября 1943 года. На второй день

мы оказались в кустарниках возле железной дороги месте с тобою. Ты решил разделить большую группу на несколько малых. Мы разошлись, встретились с партизанами, и я и Аркадий Вайспапир вступили в отряд имени Фрунзе.

У партизан Борис Табаринский был пулеметчиком. Во время сражения с фашистами Борис попал под сильный огонь врага. Воздушной волной он был отброшен от пулемета. Сколько он ни пытался добраться до пулемета, ему не удавалось. В этот момент ползком добрался к пулемету Аркадий, схватил его и вместе с Борисом отползли в менее опасное место. Оттуда открыли огонь по фашистам.

Из партизанского отряда Борис Табаринский ушел в Советскую армию и до конца войны был на фронте. Участвовал в боях за Варшаву, Восточную Пруссию, Данциг, форсировал реку Одер и в Штеккене праздновал победу.

В 1947 году демобилизовался и вернулся в Минск, работает на той же кожевенно-галантерейной фабрике, где работал до войны.

Алексей Вайцен и после войны в течение двадцати пяти лет служил в армии. Теперь он, конечно, вышел на пенсию, живет в Рязани.

Теперь о Семене Розенфельде. Когда началась война, Семену Розенфельду не было и 19 лет. Он успел окончить десятилетку в местечке Терновке Винницкой области, был призван в Армию и служил в 152-м Двинском отдельном артиллерийском полку. О нападении фашистов на Советский Союз узнал не из радиопередач, а услышал первый выстрел.

Отступая от границы остатки его полка останавливались у шоссе, набитого немецкими грузовыми автомашинами. Фашисты чувствовали себя настолько беспечными, что на ящиках со снарядами, которые они везли на фронт, они поставили патефон, и вместе с грохотом моторов разносились звуки русских песен.

— Можете себе представить, — говорит Розенфельд, — как мы были измотаны. До сих пор не могу понять, откуда взялась сила. Мы моментально окружили шоссе и буквально в считанные минуты все, что находилось на шоссе, было охвачено огнем. «Вот вам русские песни!»

Дальше Розенфельд разделил судьбу нас всех: минский лагерь, Собибор, восстание и неудача, ранение. Через три часа после бегства из лагеря он почувствовал сильную боль в правой ноге.

Плохо — с самого же начала калека. Розенфельд вместе с двумя мальчиками, братьями Моником и Юзиком, отстали от группы Боруха и направились на юг к Савнинским лесам. Им сказали, что там оперирует партизанский отряд. Две недели блудили они в лесу, пока у хутора Яново они наткнулись на потушенный костер. У костра стояла накрытая ветками пузатая макотра, полная вареным горохом. Ясно, что здесь кто-то есть. В ста метрах отсюда они обнаружили блиндаж, в котором жили пять собиборцев, пришедших сюда десять дней назад, и три чешских еврея: Шнобель, Карнишовер и Зильберман. Они бежали из другого лагеря.

В начале декабря выпал первый снег, очевидно, что по следам на снегу сюда добралась группа вооруженных польских националистов «Аковцев». Из шести человек, не успевших скрыться в блиндаже, пять были убиты. Одному удалось бежать. Гранатой, брошенной бандитами в блиндаж, был убит еще один. Бандиты стали разбирать бревна, которыми был накрыт блиндаж.

У Розенфельда в кармане было три патрона. Он их наскоро связал и положил на бревна, а под

ними пристроил горящую свечу. И, представьте себе, патроны выстрелили. Этого было достаточно, чтобы бандиты разбежались.

В блиндаже осталось четыре человека. Почти семь месяцев они еще скрывались у добрых людей на хуторах между Люблином и Хелмом.

Во второй половине 1944 года Красная армия освободила Хелм. Рана у Розенфельда продолжала кровоточить, но он пошел к советскому коменданту и потребовал отправить его на фронт.

Под Лодзью солдат, у Познани — сержант. Опять ранение в правую ногу и правую руку. Снова в Лодзь в госпиталь, но на сей раз ненадолго. Когда рейхстаг был еще окутан дымом, у его стены рядом с другими воинами стоял Семен Розенфельд. В неполные 23 года голова его была убелена сединой.

Осколком он выцарапал на стене:

Барановичи — Собибор — Берлин!

Под одной обложкой перепечатана книга советского офицера Александра Печерского «Восстание в Собибуровском лагере», изданная в Ростове-на-Дону в 1945 году, и отрывки из записи его воспоминаний. Сопоставление этих публикаций достаточно полно свидетельствует о времени, когда по воле Сталина и последующих советских вождей само слово «еврей» в сочетании с героизмом было запретным и роль евреев в Великой Отечественной войне замалчивалась. Даже о единственном победном восстании евреев в лагере смерти Собибор почти никто не знал. Это «незнание» продолжалось до последних лет, пока Московское историко-литературное общество «Возвращение» не выпустило двумя тиражами книгу «Собибор».

Произошло это так.

В 2006 году у работающей в Амстердаме в Центре изучения Холокоста и геноцида Нэнси Адлер возникла идея организовать встречу

узников двух тоталитарных систем. С одной стороны — голландский историк Юлиус Шелвис — автор книги о Собиборе. Вся его семья и родные погибли там. Он был печатник, а немцам в ту пору нужны были печатники, и его, как у нас говорили, «по спецнаряду» отправили не в лагерь смерти для евреев, а в концлагерь. С другой стороны — я, бывший узник Колымы. Перед поездкой в Амстердам мне сообщили, что мы будем отвечать на вопросы друг друга, а в конце отвечать на вопросы из зала.

Собралось много народа. В основном профессура и студенты Амстердамского университета, работники Института социальной истории и Института военной документации.

Первым делом Шелвис спросил меня, почему я так хорошо знаю историю Собибора, почему меня это интересует. Я ответил: «Знал, что в Собиборе погибли почти все голландские евреи, что разговор об этом, безусловно, будет на нашей встрече, и я попросил распечатать мне, все что было о Собиборе в Интернете». Его не удовлетворил ответ, он снова задал тот же вопрос. Я ответил: «Интересует, хотя бы потому, что

я еврей». Но и этот ответ его не удовлетворил. Видимо, он считал, что советские евреи весьма далеки от еврейства. Он был прав: я вырос, как и многие евреи, в сугубо русской среде и, кроме отметки в паспорте «еврей», с еврейским вопросом встречался, когда государство проводило анти-семитские кампании: «безродные космополиты», «убийцы в белых халатах»...

Поскольку и второй мой ответ не удовлетворил его, я сказал: «Юлиус, меня это интересует хотя бы потому, что я был в лагере с людьми, которые воевали на стороне Германии. Это бывшие военнопленные, в основном украинцы, которые служили в «ваффен СС». Они-то и охраняли лагеря смерти и были нисколько не лучше эсэсовцев».

Выслушав переводчика, Юлиус кивнул головой.

Встреча с человеком — хранителем исторической памяти, семья которого погибла в лагере смерти, послужила сильнейшим импульсом для создания книги о восстании в Собиборе.

Начиная с 1992 года «Возвращение» провело четыре международные конференции «Сопротивление в ГУЛАГе». Мы первыми заня-

лись историей восстаний в советских лагерях. На наши конференции приглашали узников не только ГУЛАГа, но и нацистских концлагерей — тех из них, кто участвовал в европейском Сопротивлении. Тема Сопротивления, восстания безоружных узников была нам близка. И мы не могли пройти мимо восстания узников лагеря смерти Собибор, увенчавшегося их победой.

До нашего исследования о Собиборе было три книги, оставшиеся незамеченными: самого Александра Печерского «Восстание в Собибуровском лагере»; роман Михаила Лева «Длинные тени» (М., 1989), в котором отражен подвиг Печерского, и книга В. Томина, А. Синельникова «Возвращение нежелательно» (М., 1964), которую долгие годы они не могли издать. В конце концов им посоветовали заменить Абрамов и Хаимов на Иванов и Владимиров. Во всех этих книгах речь шла о восстании советских людей.

О каком героизме евреев могла идти речь, когда в послевоенные годы были расстреляны члены Еврейского антифашистского комитета, а в застенках пытали евреев-врачей — «убийц в белых халатах».

Наша документальная книга невелика по объему. Но ни в одной книге о Собиборе, изданной в Европе и Америке, нет такого множества свидетельств. Существенно и то, что мы впервые опубликовали документы, связанные с судьбой Печерского, в частности справку о том, что он находился в «ударном» — читай в штрафном — батальоне и искупил «вину» кровью. В нашей книге впервые говорится о командире этого батальона майоре Андрееве. Рискую жизнью, он отпустил штрафника Печерского в Москву. О встрече Печерского в 1944 году с писателями Вениамином Кавериным и Павлом Антокольским.

Когда партизаны соединились с наступавшими советскими войсками, всех приведенных Печерским бойцов допрашивали следователи СМЕРШа. И всех их зачислили в действующую армию. Так что следователь, допрашивавший Александра Печерского, отлично знал, что перед ним советский офицер, герой войны и... Печерского отправили в штрафной батальон. Могло случиться, что кроме имени Сашко не осталось бы памяти о руководителе восстания в Собиборе, если бы не командир штрафного батальона майор Андреев.

В конце Второй мировой войны, когда немцы начали контрнаступление в Арденнах и положение американцев стало критическим, в бой было брошено подразделение, состоявшее из уцелевших европейских евреев. Они сошлись врукопашную с эсэсовцами и власовцами. На Колыме заключенный-власовец сказал мне, что ничего более страшного он не видел.

Пятьсот тысяч советских евреев воевали на фронтах Второй мировой войны. В сорок первом и сорок втором, когда многим победа немцев казалась очевидной, эти сотни тысяч живых и павших сыграли свою роль в самом продолжении российской истории и навсегда принадлежат ей.

С.С. Виленский

Плиты на памятнике у входа в Мемориальный комплекс лагеря смерти Собибор. Надписи на плитах на английском, идиш, иврите, голландском, немецком, французском, словацком и польском языках. Плиты с надписью по-русски нет.

Президенту Российской Федерации
Владимиру Владимировичу Путину

Уважаемый Владимир Владимирович!

Обращаемся к Вам в связи с приближающимся открытием в израильском г. Нетания Монумента Победы Красной Армии над фашистской Германией и Вашим приездом на эту церемонию. Зная Вас как последовательного и влиятельного лидера, неустанно напоминающего международному сообществу о ключевой роли СССР в Великой Победе, мы просим Вас лично особо отметить забытого героя той войны — офицера Красной Армии Александра Печерского.

В 1941-м Печерский попал в плен под Вязьмой и вскоре как еврей был отправлен в лагерь смерти «Собибор». Там он всего за три недели, каждый день рискуя оказаться в газовой камере, сумел спланировать и успешно осуществить интернациональное восстание заключенных из стран Западной Европы и Польши. Попытки подготовить побег предпринимались узниками и ранее, но уничтожить десятки эсэсовцев и их приспешников — охранников-вахманов (из числа предателей, главным образом — украинских националистов) удалось лишь после прибытия Александра Печерского, возглавившего группу советских военнопленных. Вслед

за ними на штурм заграждений пошли сотни смертников, более двухсот из них сумели вырваться из лагеря, который был немедленно ликвидирован по личному приказу Гимmlера. Часть восставших остались в Польше, где многие из них были убиты уже польскими националистами, а советских солдат Печерский привел в белорусские леса, к партизанам.

Восстание в Собиборе, в отличие от всех других героических актов сопротивления (даже таких, например, как массовое восстание в Варшавском гетто), завершилось — исключительно благодаря беспримерному мужеству и выдающемуся организаторскому таланту Печерского — победой над немецко-фашистской машиной истребления людей, что делает этот подвиг беспрецедентным в истории Второй мировой войны.

Как это ни парадоксально, но на Западе о восстании в Собиборе и его руководителе-герое создано множество фильмов и книг, а в России о нем до сих пор знают недостаточно. Это особенно заметно на фоне всемирной известности одного из собиборских палачей — американца украинского происхождения Ивана Демьянюка, который был осужден именно на основе показаний соратников Печерского. (Следует отметить, что сам Александр Аронович вплоть до самой своей смерти в 1990 году, будучи человеком исключительной личной скромности, оставался непререкаемым авторитетом для своих товарищей по оружию, настаивая на сохранении памяти о павших

«в той последней слепой атаке» и неустанно добиваясь наказания военных преступников.)

Хотя уже в августе 44-го Василий Гроссман написал о героях Собибора в «Красной звезде», а вскоре на публикацию в «Комсомолке» подробным письмом откликнулся сам Александр Печерский, собственно герои — по известным причинам — так и остались без заслуженных наград (если не считать таковыми отправку в штурмовые — штрафные — батальоны и т.п.). В 45-м году Вениамин Каверин опубликовал в журнале «Знамя» очерк «Восстание в Собибуре», который Илья Эренбург включил в т.н. «Черную книгу» (в СССР к публикации запрещена)...

В сентябре будущего года будет отмечаться 70-летний юбилей восстания. Нам представляется, что вопиющая несправедливость, допущенная в отношении героев, должна быть наконец хоть как-то устранена. Александр Аронович Печерский совершил беспримерный подвиг, проявил лучшие качества советского боевого офицера, в нечеловеческих условиях личным примером указав всем народам мира путь к победе над Злом. Поэтому мы обращаемся к Вам с просьбой присвоить А. Печерскому звание Героя России (посмертно), а также наградить ныне здравствующих советских солдат — участников восстания: россиянина А. Вайцена и граждан Украины и Израиля А. Вайспапира и С. Розенфельда. Кроме того, мы просим Вас обеспечить предстоящим памятным мероприятиям государственный статус и рекомендовать соответ-

ствующим ведомствам включить информацию о подвиге героев Собибора в школьную программу. Мы уверены, что все это послужит делу борьбы с модными ныне в некоторых европейских странах попытками героизации нацистов и их пособников, а также с другими порочными тенденциями к пересмотру итогов Второй мировой войны.

С уважением,
члены инициативной группы по увековечению памяти Александра Печерского:

Михаил Лев — писатель, фронтовик-партизан, друг
Печерского (Тель-Авив)

Лазарь Любарский — писатель, фронтовик, друг
Печерского (Тель-Авив)

А. Арцева (Киев),

С. Богданова, С. Виленский, А. Вишняк, Г.

Горбовицкий, Ю. Домбровский, А. Марутян, Л.

Симкин (Москва)

20 июня 2012 г.

Под обращениями о награждении А. Печерского подписались:

Вадим Абдрашитов — режиссер

Роман Виктюк — режиссер

Андрей Воробьев — академик РАН и РАЕН
Александр Городницкий — поэт
*Игорь Губерман — поэт
Иосиф Кобзон — певец
Исаак Коган — раввин, кавалер ордена Почета
Владимир Любаров — художник
Леонид Млечин — историк
Лев Новоженков — журналист
Леонид Рошаль — врач
Дина Рубина — писатель
Николай Сванидзе — журналист, член Общественной
палаты РФ
Алексей Симонов — президент Фонда защиты глас-
ности
Владимир Синельников — режиссер
Мариэтта Чудакова — писатель

Содержание

Николай Сванидзе

К читателю

3

Александр Печерский

Восстание в Собибуровском лагере

7

Приложения

Лев Симкин

Послесловие

67

Александр Печерский

Восстание в Собиборе. Из рукописи

76

С.С. Виленский

Павшие и живые

100

Обращение к Президенту РФ В.В. Путину

107

ВОССТАНИЕ В СОБИБУРОВСКОМ ЛАГЕРЕ

Издатель
М. Гринберг

Автор-составитель
И. Васильев

Редактор
Ю. Левин

Корректор
И. Любавина

Верстка
И. Пичугин

Мосты культуры, Москва
Тел./факс: (499)241-6871

e-mail: office@gesharim-msk.ru

Gesharim, Jerusalem

Tel./fax: (972)-2-624-2527

Fax: (972)-2-624-2505

e-mail: house@gesharim.org

www.gesharim.org

Издательство «Мосты культуры»

ЛР № 030851 от 08.09.98

Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ.л. 3,5

Подписано в печать 3.08.2012. Заказ №

Электронный вывод и печать в ППП Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

Эта книга является, образно говоря, небольшим, но необходимым кирпичиком созидания Дома Правды. Правды о давно уже прошедшей, но не забытой войне. Правды о том, что герои той Войны сделали для нас не просто много – они сохранили нам мир, спасли его от возникновения всемирного Третьего Рейха. Правды о том, что воевали не только, скажем, русские, грузины, белорусы и многие-многие другие, но и евреи. Правды о том, что евреи были не только жертвами, но и героями войны. Правды о том, что на краю пропасти народы объединяются, а не разъединяются.

Сегодня эту правду пытаются замолчать – пытаются пересмотреть итоги Второй Мировой. И это не может не тревожить. Если ложь назовут правдой, как это уже случилось в Германии 30-х гг. – мир может опять погрузиться в хаос или войну.

Именно поэтому мы решили внести свою лепту в переиздание данного литературного памятника. Мы надеемся, что эта книга, этот кирпичик поможет противостоять потокам лжи, поможет понять, что русские и евреи, православие и иудаизм, Россия и Израиль имеют больше точек соприкосновения, больше общих ценностей, чем уверяют нас те, кто хочет, чтобы в мире вновь воцарилась ложь.

*Алексей Вишняк,
«Преображение»*

Об увековечении памяти руководителя восстания в лагере смерти «Собибор» — офицера Красной Армии Александра Ароновича Печерского мы говорили с Президентом России в июне с.г. В.В. Путин отметил, что это «хорошая идея» и сказал, что в данном направлении мы будем работать вместе. Первое за почти 70 лет переиздание книги преданного забвению героя — важный шаг к восстановлению исторической и человеческой справедливости, особенно значимый в преддверии годовщины единственного в истории Второй Мировой войны успешного восстания в нацистских «фабриках смерти».

*Юлий Эдельштейн,
министр информации Государства Израиль*